

«ЗА ДРУГИ СВОЯ...»

Хрестоматия
православного
воина

**«За други своя...». Хрестоматия
православного воина. Книга
о воинской нравственности**

«Алетейя»

2016

УДК 355.233.23
ББК 68.49(2Рос)

«За други своя...». Хрестоматия православного воина.
Книга о воинской нравственности / «Алетейя», 2016

ISBN 978-5-906823-63-2

Нерасторжимая связь боееспособности войска и доброй нравственности воинов является аксиомой военного искусства. Тем более эта связь очевидна для воинства христолубивого, именем которого издревле гордится российское воинство. Христианская нравственность веками питала жертвенную любовь воина к товарищам, родным и близким, к Отечеству. В издании представлены исторические документы, воспоминания и дневники, отрывки из произведений святоотеческой и художественной литературы, посвященные изображению духовной основы и истинной красоты воинского подвига. Книга адресована широкому кругу читателей – всем, кто интересуется историей религии, военной историей Отечества, военной педагогией и психологией.

УДК 355.233.23
ББК 68.49(2Рос)

ISBN 978-5-906823-63-2

, 2016
© Алетейя, 2016

Содержание

От составителей	6
Глава 1. Сим победиши	9
Тертуллиан. О венце воина	9
Толкования на избранные места Священного Писания	14
Святые отцы о войне, воинах и военной службе	21
Аврелий Августин	25
Похвальное слово святым сорока мученикам	35
Евсевий Кесарийский (Памфил) О Константине Великом	39
Глава 2. В служении христианскому братству	46
Псевдо-Маврикий	46
Лев VI Мудрый	48
Никифор II Фока	58
De velitatione bellica (О боевом сопровождении)	60
Кекавмен	61
Византийский Суворов	62
Уроки Велизария	64
Нечестие наказуемо	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

сост. С. Э. Зверев, Е. Ю. Голубева
«За други своя...». Хрестоматия
православного воина. Книга
о воинской нравственности

© С. Э. Зверев, Е. Ю. Голубева, составление, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

* * *

От составителей

Полагаю, – никогда наш век не будет свободен от них (войн. – *сост.*) и они навсегда останутся в полной силе, пока остается той же человеческая природа, так как с самого начала они, так сказать, присущи жизни, и поэтому вся поэзия, вся история наполнена войнами и сражениями, и не найдешь в них ничего другого, так подробно описанного.

Причиной войн, полагаю, не являются, как говорят многие, движения звезд или судьба и противный разуму рок. Если бы предначертанное судьбой торжествовало во всем, то была бы отнята у людей свободная воля и право выбора, и мы считали бы напрасными и бесполезными всякое наставление, искусства и обучение: оказались бы беспомощными и бесплодными надежды людей, живущих наилучшим образом. И божество, как думаю, нельзя полагать причиной убийств и сражений. Я и сам бы не сказал и не поверил бы никому, утверждающему, что высшее благо, изгоняющее всякое зло, радуется сражениям и войнам. Души людей добровольно впадают в корыстолюбие и несправедливость и наполняют все войнами и смятением, и отсюда происходят многие бедствия и гибель народов и порождаются бесчисленные другие несчастья.

Агафий Миринейский, византийский историк VI в.

Ни одна по-настоящему боеспособная армия не может воевать без нравственной идеи, объединяющей ее ряды, помогающей воину преодолеть угрозу внезапной насильственной смерти и природный страх убийства себе подобного. В основании же любой жизнеспособной, социально значимой нравственной идеи, системы установок и ориентиров, которыми руководствуется общество в процессе своего формирования и развития, неизбежно лежит нравственность религиозная. Последняя черпает силу и авторитетность не из благих намерений, которые, как известно, могут завести далеко, не из суетных человеческих воззрений и стремлений, но из установлений, проистекающих из истинного знания глубин человеческого сердца, доступного только Богу, освященных подвигом героев и мучеников за веру и многовековой практикой созидательной жизни народа.

Именно поэтому очередной том серии «Книга для чтения по истории армии и флота» посвящен воинской нравственности, а поскольку российское воинство от предков приняло почетное именование воинства христолюбивого, – то и нравственности православного воина.

Тема нерасторжимой взаимной связи боеспособности войска и доброй нравственности воина проходит красной нитью через тексты военных трактатов, сочинений выдающихся полководцев, воспоминаний и дневников участников войн, произведений художественной литературы. С некоторыми из них мы предоставим читателю возможность познакомиться на страницах хрестоматии.

Но для нравственности, основанной на заповедях религии Любви, вопрос о пределах необходимого применения насилия, определяющего содержание вооруженной борьбы, требует особо тщательного разрешения личной совестью воина-христианина. Подчеркнем: именно личной совестью, ибо Бог, заповедавший своим последователям любить и прощать врагов, не оставил, что совершенно естественно, никаких указаний на то, в каких случаях необходимо или возможно отнять жизнь у другого творения Божия.

На этот сложный богословский вопрос афористично и исчерпывающе ответил в свое время митрополит Московский святитель Филарет (Дроздов): «Гнушайтесь¹ убо врагами

¹ Отвращайтесь от общения с врагами Божиими.

Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша²». Но христианство – это религия, исполненная личностного начала; чтобы быть христианином, недостаточно выучить Символ веры, затвердить катехизис и уметь к месту ссылаться на творения святых отцов – необходим каждодневный опыт жизни во Христе и со Христом, личного богопознания и самосознания, требующего внимательной и вдумчивой работы мысли и сердца. В этом смысле, каждый человек, берущий в руки оружие и заступающий путь врагу, неизбежно оказывается в ситуации труднейшего нравственного выбора, перед необходимостью принять на свою личную совесть тяжелейший груз решения, за которое ему придется дать личный же ответ в день Суда. На этом суде уже невозможно будет отговориться получением приказа и оправдаться подчиненностью, мол, «если что не так – не наше дело, как говорится: родина велела»³. Поэтому православный воин обязан ответственно, последовательно и сознательно готовить себя к бою, в котором ему придется взвешивать на очень точных весах свою судьбу, судьбы товарищей, мирного населения и неприятелей.

Ошибки на этом пути искупаются долго и дорого – тем дороже, что исправлять их, как правило, бывает слишком поздно.

Поколениям юных ратоборцев полезно иметь возможность проанализировать мысли и чувства людей, до них прошедших тяжелый, славный и зачастую скорбный путь воинского служения, почувствовать, что они не одиноки в своем подвиге и обрести неувядаемые примеры мужества, стойкости в вере и исполнении долга.

Наконец, солдатам и особенно офицерам важно обладать цельным мировоззрением, правым христианским взглядом на мировую историю, которая, к великому сожалению, по сей день является историей войн и военных конфликтов. Из лоскутков исторических фактов, их нередко произвольной трактовки различными заинтересованными сторонами, фрагментарных, эмоционально окрашенных впечатлений участников исторических событий современному воину важно уметь соткать ткань личного восприятия истории, с тем чтобы суметь выстроить собственную картину мира, определить в ней свое место, место своего государства и своего народа и руководствоваться этим пониманием при исполнении воинского долга.

В решении этих задач призвана оказать помощь хрестоматия православного воина.

Хрестоматия состоит из пяти глав. В первой главе представлены материалы, относящиеся к первым векам христианства, когда перед воинами вставала проблема соотношения требований государственной и военной власти с велением совести и религиозными догматами. Несмотря на то, что острота этой проблемы была снята Константином Великим выбором государственной религии в Римской империи в пользу христианства, ознакомление с подходами к разрешению ее философами и богословами может оказаться небесполезной, как и мнение учителей Церкви по вопросам, относящимся к войне, обязанностям воина и военной службе.

Во второй главе повествуется об истории постановки военного дела во «втором Риме» – тысячелетней христианской Византийской империи. Вопросы воинской нравственности в этот период находили подробное толкование на страницах военных трактатов, положения которых не потеряли актуальности до наших дней.

Боевая практика походов и битв христолюбивого воинства «третьего Рима» – Московского государства – освещается в третьей главе. В ее названии отражено глубоко религиозное понимание русским средневековым сознанием вопросов, связанных с войной, как величайшим бедствием, бичом и трагедией человечества, и воинским служением.

² Любите ваших личных врагов.

³ Строка из песни Б. Ш. Окуджавы «Песенка солдата» (1960-1961 гг.).

Российская империя, раскинувшаяся на шестой части суши, была в духовном плане результатом мощного выплеска огромной потенциальной энергии Святой Руси, накопленной в ходе многовековой подспудной работы народной души, высвобожденной великим Петром и его наследниками на российском престоле. Империя прирастала территориями не только благодаря военной мощи, но прежде всего Божиим благословением народу, благодарно и смиренно украшавшему лаврами храмы, воздвигаемые в честь своих подвигов и побед. Территории еще могут быть завоеваны грубой силой, но чтобы удержать их необходимо очевидное всем, даже врагам и покоренным, сознание нравственного превосходства имперского народа. История расцвета, заката и падения Российской империи, изложенная в четвертой главе, есть история по преимуществу духовная, тесно связанная с проявлением или же умалением христианской веры в русском народе – строителе ее колоссальных чертогов.

Двадцатый век показал, насколько темной может быть мгла, объявшая народ, отринувший отечественные святыни. Изображению страшных и трагических событий, в которых постепенно изживался соблазн богоотступничества, происходило перерождение народной души, вырабатывалось новое понимание духовности, посвящена пятая глава.

Тексты произведений, приведенных в хрестоматии, сокращены и адаптированы для облегчения восприятия их современным читателем. Составители надеются, что это побудит заинтересованного читателя обратиться к самостоятельному глубокому изучению источников.

Глава 1. Сим победиши

Тертуллиан. О венце воина

Из труда одного из раннехристианских писателей Квинта Септимия Тертуллиана (ок. 160-ок. 230 гг.) явствует, насколько трудной была жизнь христианского воина в языческом Риме. Мученический венец нередко был для него единственной альтернативой участию в явном или лукаво замаскированном идолослужении. И единственным судьей в выборе между земной и вечной жизнью выступала совесть человека. Пример безвестного воина, предпочетшего, судя по всему, смерть вероотступничеству, может многому научить нас. Прежде всего тому, что необходимо тщательно взвешивать на весах своей совести даже самые ничтожные и кажущиеся обиденными поступки.

В приведенном отрывке также заслуживает внимания описание некоторых обычаев Церкви первых веков ее существования, в главном сохранившихся до наших дней.

Недавно произошло следующее: явлена была щедрость превосходнейших императоров⁴, и в честь этого солдат в казармах отмечали лавровыми венками. Призван к этому был и некий в большей степени Божий солдат, оказавшийся более стойким, чем его братья. Он предположил, что [если наденет на голову этот венок, то] может стать служителем двух господ, и единственный из всех [остался] с непокрытой головой, держа бесполезный венец в руке. Таким образом через само это деяние публично проявилось то, что он является христианином. Слух дошел до трибуна⁵, и трибун немедленно задал ему вопрос: «Почему у тебя несоответствующий внешний вид?» И поскольку у него настоятельно требовали объяснения, он ответил: «Я – христианин». О славный в Господе воин! Последовавшее голосование [постановило] передать рассмотрение дела и самого обвиняемого префектам⁶. Сам же он, как акт торжественного снятия бремени, отложил свой тяжелейший плащ, снял неудобнейшие военные сапоги, становясь босиком на святую землю, и меч, не нужный для защиты Господнего [наследия], вернул (Мф. 26:52), венок же выпал из его руки. И теперь он, обогранный надеждой [пролить] свою кровь, обутий в готовность нести Евангелие, препоясанный острейшим Словом Божиим, полностью вооруженный по Апостольскому слову (Еф. 6:11) и стремящийся облечься в иной венок – белую одежду мученика, – ожидает в тюрьме щедрый подарок Христа.

С того момента начали распространяться о нем разные слухи как о своенравном, неудержимом, спешащем умереть, потому что, когда его спросили о внешнем виде, он поставил в неприятное положение имя [христиан]: он [повел себя, как будто он] один, надо думать, такой храбрый – единственный христианин среди столь многих братьев, являющихся для него сослуживцами. Ведь более чем ясно, что те, кто с презрением отвергли пророчества Духа Святого, хотят избежать мученичества. Они ворчат, что столь долгий и благоприятный для них мир⁷ подвергся опасности.

⁴ Имеется в виду раздача денег римским воинам от имени императоров (в описываемое время правили Септимий Север и Каракалла), укреплявшая связь верховной власти с армией, от которой она в последние века существования Римской империи сильно зависела. На церемонии воины должны были представлять увенчанными лавровыми венками.

⁵ Трибун – командная должность в легионе.

⁶ Скорее всего, имеется в виду префект лагеря – комендант легионного лагеря.

⁷ Отсутствие гонений на христиан.

И легко сразу же задаться вопросом: где написано, что мы не должны носить венки. Но где написано, что нам следует их носить? Усиленно ища у Писания покровительства и объяснения различных проблем, некоторые считают заранее предрешенным, что Писание должно поддержать именно их точку зрения. Ведь если говорится, что позволительно надевать венки по той причине, что Писание этого не воспрещает, точно так же можно использовать это обоснование для доказательства противной точки зрения: непозволительно христианам надевать венки, потому что Писание этого не предписывает. Итак, что же делать с точки зрения строгого и стройного учения? принять обе позиции, словно ни одна из них не воспрещается? или отвергнуть обе позиции, словно ни одна из них не предписывается к исполнению? Но ведь то, что не запрещено, полностью разрешено. Однако вернее сказать: то, что не полностью разрешено, запрещено.

Так до каких пор мы будем взад и вперед ходить по этой извилистой тропе, имея укорененную в древности практику, которая была заранее определена? Если она и не установлена никаким текстом Писания, она точно подкреплена обычаем, который без сомнения происходит из предания. Поэтому давайте исследуем: [верно ли, что] не следует принимать предания, кроме того, что было записано? Разумеется, мы откажемся принимать его, если не существует прецедентов, когда бы мы без какого-либо свидетельства Писания, а лишь на основании имени «предание», что-либо приняли и впоследствии хранили под предлогом имеющегося обычая. А вообще, [уже] когда мы подходим к крещальной купели, но немногим ранее, в Церкви под руководством предстоятеля⁸ мы публично утверждаем, что отрекаемся дьявола, его блистательных речей и его ангелов. Затем, будучи трижды погружены в воду, еще яснее отвечаем [предстоятелю] словами, которые Господь определил в Евангелии. Когда нас выводят [из купели], как поднимают новорожденных, мы вкушаем немного смеси молока и меда с водой и, начиная с этого дня, на протяжении целой недели воздерживаемся от ежедневного омовения. Таинство Евхаристии, которое Господь повелел всем совершать во время принятия пищи, принимаем исключительно из рук предстоятелей. Ежегодно мы творим добровольные приношения за умерших в день их рождения. В День же Господень [т. е. воскресенье] считаем неприемлемым поститься или молиться на коленях. Этой же свободой мы также наслаждаемся в период с Дня Пасхи до Пятидесятницы. Однако мы переживаем и с трудом переносим, когда капля из нашей чаши или крошка нашего хлеба падает на землю. При всяком успехе и продвижении вперед, при всяком входе и выходе, когда мы одеваемся и обуваемся, перед купаниями и перед приемами пищи, зажигая ли светильники, отходя ли ко сну, садясь ли или принимаясь за какое-либо дело, мы осеняем свое чело крестным знамением. Если потребуешь обосновать Писанием эти и другие подобные им учения, никакого [такого основания] ты не найдешь: в качестве их основания тебе приведут предание как их создателя, обычай как их поручителя и веру как их хранительницу. Можно обосновать неписанное предание, находящееся в употреблении, которые подтверждается обычаем как достойным свидетелем в пользу приемлемости данного предания, а также длительным его соблюдением. Ведь даже в политических делах обычай заменяет закон, когда не существует закона [в отношении исследуемого случая]: и неважно, взят ли он из Писания или устанавливается разумом, поскольку разум поощряет закон.

Ведь и апостол говорит: «Если же вы чего-то не знаете, то и это Бог вам откроет» (Фил. 3:15). Он и сам имел обыкновение давать свои рекомендации, когда в его распоряжении не было прямого повеления от Господа, и что-то предлагать от себя, поскольку он сам имел Святого Духа как наставника всякой истины. Поэтому его советы и предписания приобрели статус божественных повелений по причине [данного ему] покровительства Божьей мудрости.

⁸ Священника.

Предметы годны для того, чтоб мы, как и наши предшественники, их употребляли для служения Богу или ради самого Христа, когда они служат к обеспечению нужд человека, представляя для него действительную пользу, несомненную помощь и достойную, благопристойную отраду, поскольку они даны [людям] по вдохновению самого Бога, который является и первейшим Промыслителем, и Устроителем, и, можно даже сказать, Дарителем радости для созданного Им человека. Что же выходит за рамки такого принципа употребления, не подходит для нас – в особенности то, что по этой причине нельзя обнаружить ни в мире, ни в практике служения Богу, ни в образе жизни Христа.

Одним словом, кто из патриархов, кто из пророков или какой левит, священник или правитель, а в более поздние времена какой апостол или благовестник, или епископ носил венки? Я полагаю, что ни сам Божий храм, ни ковчег завета, ни скиния, ни светильник [не были увенчаны венками], хотя и во время первого торжества по случаю их освящения, и в честь второго радостного дня в честь их восстановления их можно было бы украсить венками, если бы это было достойно Бога (Езд. 5:11; 1 Кор. 10). Однако же, если эти предметы были нашими прообразами, – потому что мы суть и храмы, и алтари, и светильники, и сосуды Божьи, – то они также ярко предвозвестили и это: не должно Божьему народу украшаться венками. Образу должна всегда соответствовать истина. Если же ты, быть может, возразишь, что и сам Христос был увенчан венцом, то на это ты услышишь короткий ответ: «Надеть такой венец тебе позволительно». Однако [Божьему] народу не был знаком тот венец оскорбительного бесчестия. Его придумали римские солдаты, переняв это от мирских практик. В народе же Божьем никогда не было такого, чтобы во время государственных торжеств или празднования изобилия выращенных даров, разрешалось [ношение венков].

Теперь, перед тем, как приступить к [рассмотрению] причин [использования] солдатских венков, я считаю необходимым тщательно изучить вопрос: подобает ли христианину вообще заниматься военным делом? Разве мы верим, что к богоугодному обещанию позволительно добавлять человеческую присягу на верность и тем самым слушаться второго господина кроме Христа?

А также клятвенно отречься от отца и матери, и всех близких⁹, которых даже закон предписывает чтить и любить во вторую очередь после Бога (Исх. 20; Лев. 19), и которых даже Евангелие также уважило (Мф. 26:11), только Христу воздав большие [почести] (1 Кор. 6, 8; Мф. 5)?

Допустимо ли вести жизнь меченосца, в то время как Бог возвещает, что тот, кто воспользуется мечом, от меча и погибнет? И может ли сын мира участвовать в битве, если ему не положено [даже] ссориться? И [как] он будет ввергать в узы и в тюрьму, пытать и приводить в действия наказания, когда он не [должен] сам мстить за нанесенные ему обиды? Может ли он стоять в карауле и охранять других, больше чем Христа, или делать это в День Господень [т. е. воскресенье], когда он даже для Христа этого не делает? И будет ли бодрствовать перед храмами, от которых отрекся? И обедать там, где неуютно апостолу (1 Кор. 8:10)? И будет ли защищать по ночам тех [демонов], кого днем изгонял с помощью молитв, и засыпать, опираясь на копьё, которым был пронзен бок Христа (Ин. 19:34)? Понесет ли он также военное знамя, соперничающее с Христовым? И потребует ли приказа от своего командира тот, кто уже получил его от Бога? Когда же он умрет, будет ли потревожен трубой горниста тот, кто ожидает, что будет разбужен трубой ангельской? И будет ли предан огню согласно воинскому обычаю [умерший] христианин, тот, кому [и живому] не разрешалось возжигать [жертвоприношения], и ради кого Христос принял на себя огненное наказание?

⁹ Тертуллиан, судя по всему, сгущает краски. Римская военная присяга не требовала отречения от близких, представляя собой клятву взаимной верности римскому государству, командованию легиона и товарищам.

Сколько же много иных обязанностей, связанных с воинской службой, которые можно счесть за правонарушения, следует признать преступлениями [с точки зрения христианина]? Переносить само почетное имя [христианина] из крепости света в крепость тьмы является преступлением.

Безусловно, те, кого вера нашла после их вступления в воинское звание, находятся в ином положении, похожем на то, в каком были те [воины], которых Иоанн допускал к крещению (Лк. 3:3), и один из наиболее верных сотников, о котором одобрительно отзывается Христос (Мф. 8), и которого наставляет в вере Петр (Деян. 10). Но в тоже время после принятия веры и ее запечатления [божественной крещальной] печатью следует либо немедленно оставить [военное дело], как многие и сделали, либо [продолжая им дальше заниматься] всеми возможными способами изворачиваться, чтобы не совершить что-либо противное Богу, – то, что не разрешается и за пределами воинской службы, – либо, наконец, стоит ради Бога твердо сносить то, что беспристрастно назначила ему языческая вера [в качестве наказания]. Потому что нахождение на военной службе не гарантирует ни ненаказуемости за преступления, ни освобождения от мученичества.

Никоим образом христианин не меняет своей сущности. Одно Евангелие и один и тот же Иисус, Который отречется от всякого, кто отречется [от Него], и Который исповедует всякого, кто исповедует Бога, и Который спасет душу, отданную за Его имя; и напротив, Он погубит ту [душу], которая была сохранена ради выгоды, но [выступала] против Его имени (Мф. 10:39). Для Него воин настолько является верным мирным жителем, насколько мирный житель является верным воином¹⁰. Не существует необходимости или принуждения к совершению проступка – существует одна необходимость: не совершать проступков. [Возможно] кто-либо принуждаем под давлением, с помощью пыток или [иных] мучений, к совершению жертвоприношения и непосредственному отречению. Однако [наше] учение не проявляет снисхождения к такого рода принуждению, потому что существует необходимость еще более могущественная, чем [кажущееся неизбежным] намерение избежать страданий и исполнить долг, – необходимость страшиться отречения и пройти [путь] мученичества. Как бы то ни было, такого рода отговорка уничтожает саму суть [нашего] таинства тем, что ослабляет узду, сдерживающую от совершения грехов по своей собственной воле. Ведь тогда можно будет поставить в один ряд желание и необходимость, когда, надо полагать, имеется какое-либо принуждение.

В лучшем случае считай, что заниматься военным делом позволительно, но только пока не дойдет до необходимости ношения венка¹¹.

Но прежде всего скажем кое-что о самом венце. Лавровый венок посвящен Аполлону и Вакху – первому как богу оружия, а второму – как богу триумфальных шествий. Когда же войска увенчивают себя масличными ветвями, это – идолопоклонство в честь Минервы, также богини оружия, которая, однако, была увенчана [ветвями] этого дерева по случаю заключения мира с Нептуном. В таком [ракурсе] суеверное почитание солдатского плетеного венка – [это практика] полностью порочная и все порочащая, так как все [что соприкасается с этой практикой] уже по этой причине бесчестится.

Тот же лавровый венок предписано надевать во время раздачи денежных подарков [которые иногда даются воинам от имени цезаря, откуда] становится очевидным, что идолопоклонничество не бескорыстно – оно предлагает продать Христа за несколько золотых монет, как Иуда – за несколько серебряных (Мф. 26). И тогда получится, что [поскольку написано:] «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24), маммоне протягивают руку, а

¹⁰ Тертуллиан имеет в виду, что для Бога воин и мирный житель равны в соблюдении заповедей.

¹¹ Отрицанием венка обязанности воина-христианина, конечно, не ограничивались. Речь идет об отказе от исполнения любых языческих обрядов.

от Бога отступают? И не получится ли, [посколь ку написано:] «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21), что и человека Богу не посвящают, и у цезаря динарий отбирают? Разве тот, кто надел на свою голову этот предмет, не обвиняет сам себя? [Христианину] настолько чуждо взгромождать на свою голову – даже, можно сказать, на самого Христа, так как «всякому мужу глава Христос» (1 Кор. 11:3) – предмет, служащий делу идолопоклонничества!

Так что, если это возможно, отплати Ему соответствующим образом, поскольку Он отдал Свою голову за твою, или не украшай свою голову венком из цветов, если не можешь [принять венок] из шипов¹². Служи Богу [так, чтобы] то, что принадлежит Ему осталось незапятнанным. Он Сам, если пожелает, наградит его венцом. Более того, этого Он и желает, и к этому призывает, говоря: «Побеждающему дам венец жизни», так что ты «будь верен до смерти» (Откр. 2:7, 10). Ты же хорошо сражайся в бою, наградой в котором будет тот венец, который по заслугам твердо надеялся получить апостол [Павел] (2 Тим. 4:7-8).

На Него смотри, Его чти. Ведь Христос Иисус сделал нас царями для Бога и Отца Своего. Что общего у тебя с цветком, которому надлежит умереть? У тебя же есть Цветок из корня Иессеева¹³, на Котором покоится вся полнота благодати Божьего Духа, цветок безупречный, неувядающий, вечный. Выбирая Его, хороший воин [, о котором мы говорили в самом начале,] успешно продвигается по небесной [военной] иерархии. Поэтому да уразумеем же мы выдумки дьявола, которые принимают вид некоторых Божьих [творений] для того, чтобы привести нас в замешательство, сбив [с пути] нашей веры, и осудить.

(Богомыслие. № 15. 2014. С. 189–209)

¹² Имеется в виду терновый венец, который был возложен на главу Христа римскими воинами.

¹³ Иессей – отец царя Давида, от которого произошел по плоти Иисус Христос.

Толкования на избранные места Священного Писания

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Тогда особенно и водворяется мир, когда зараженное болезнью отсекается, когда враждебное отделяется. Только таким образом возможно небу соединиться с землею. Ведь и врач тогда спасает прочие части тела, когда отсекает от них неизлечимый член; равно и военачальник восстанавливает спокойствие, когда разрушает согласие между заговорщиками.

Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники бывают согласны [между собой]. Итак, брань была следствием не Христова определения, а делом воли самих людей. Сам Христос хотел, чтобы все были единомысленны в деле благочестия; но как люди разделились между собою, то и произошла брань. Впрочем, Он не так сказал. А что же говорит? *«Не мир пришел Я принести»*, – чем самым утешает их. Не думайте, говорит, что вы виноваты в этом: Я это делаю, потому что люди имеют такие расположения. Итак, не смущайтесь, как будто эта брань возникла сверх чаяния. Для того Я и пришел, чтобы произвести брань; такова именно Моя воля.

Итак, не смущайтесь тем, что на земле будут брани и злоумышления. Когда худшее будет отсечено, тогда с лучшим соединится небо. Так Христос говорит для того, чтобы укрепить учеников против худого мнения о них в народе. Притом, не сказал: войну, но, что гораздо ужаснее – меч. Если сказанное слишком тяжело и грозно, то не дивитесь. Он хотел приучить слух их к жестоким словам, чтобы они в трудных обстоятельствах не колебались. Поэтому и употребил такой образ речи, чтобы кто не сказал, что Он убеждал их лестью, скрывая от них трудности. По этой причине даже и то, что можно было бы выразить мягче, Христос представлял более страшным и грозным.

«Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это – начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладее любовь; претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24:6-13).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Так как ученики слышали о наказании, посылаемом на Иерусалим, как о чуждом для них, и, думая, что сами они будут спокойны, мечтали об одних только благах и надеялись получить их очень скоро, то Спаситель опять предвозвещает им несчастья, побуждая тем к заботливости и сугубой бдительности, – чтобы они не увлеклись обманом обольстителей, и не были побеждены силою бедствий, имеющих постигнуть их.

Война, говорит Он, будет двоякого рода: со стороны обольстителей и со стороны врагов; но первая будет гораздо более жестока, потому что откроется при обстоятельствах смутных и ужасных, когда люди будут находиться в страхе и смущении. О войнах же говорит Он тех, которые имели быть в Иерусалиме, а не вне его, во всех местах вселенной. Какая нужда была ученикам до этих последних? Притом, Он ничего бы не сказал нового, если бы говорил о бедствиях всей вселенной, которые всегда случаются, потому что и прежде того

бывали войны, возмущения и сражения. Но Он говорит здесь о войнах иудейских, которые вскоре имели последовать...

Потом, для того, чтобы они, слыша о таком множестве бедствий, не подумали, что предсказание не совсем исполнится, присовокупил: *«зрите, не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти»*, то есть, всему, что я предсказал, и наступление искушений нимало не воспрепятствует исполнению слов Моих.

Войнами и слухами о войнах Он называет смятения, имеющие быть у них. Далее... – ученики думали, что за этою войною последует конец, то смотри, как Спаситель успокаивает их, говоря: *«но не тогда есть кончина. Возстанет бо, – говорит, – язык на язык и царство на царство»*. Он понимает начало бедствий иудеев. *«Вся же сия начало болезнем»*, – то есть, тем, которые с ними случатся. *«Тогда предадут вы скорби и убьют вы»*.

Благовременно упомянул Христос ученикам об их собственных бедствиях, которые облегчаются общими несчастиями, и не этим только, но и тем, что присовокупил: *«имене Моего ради»*. Бедствие это становится тем больше, когда присоединяется к нему и междоусобная война: а тогда много было лжебратий. Видишь ли троякую войну, – именно с оболстителями, врагами и лжебратьями?.. Потом, что всего хуже, ученики и от любви не будут получать утешения. Далее, показывая, что это нисколько не повредит мужественному и терпеливому, Христос говорит: *«не бойтесь и не смущайтесь»*. Если вы покажете надлежащее терпение, то несчастья не победят вас...

Здесь каждый особенно должен подивиться силе Христовой и мужеству апостолов... Видишь ли, в каком состоянии находились тогда дела, и как многообразна была война? И это вначале, когда во всяком деле особенно требуется великое спокойствие. Но даже и при этих и других гораздо больших бранях (к междоусобной брани присоединялась еще брань между родными) проповедь евангельская возобладала над всею вселенною...

«Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26: 52).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Для чего же позволил им (апостолам. – *сост.*) Христос иметь мечи? Чтобы уверить их, что он будет предан. Поэтому и говорит им: *«купи нож»*, не для того, чтобы вооружились; нет, но чтобы этим указать на предательство. Для чего, опять ты спросишь, Он повелел иметь меч? Он учил их тем трезвиться, бодрствовать и иметь самим о себе великую заботу. Вначале Он держал их, как неопытных, под охранением Своего могущества, а теперь, выпустив их как птенцов из гнезда, велит им самим летать. Далее, для того, чтобы они не подумали, будто Он оставляет их по слабости Своей, повелевая и им действовать самостоятельно... Он хочет уверить их в Своей силе и тем, что Он прежде поддерживал их, и тем, что ныне не вдруг оставляет. Поэтому-то Христос и упрекает Петра, и притом со страшной угрозой, за то, что он употребил меч в отмщение пришедшему рабу, хотя он поступил так горячо в защиту не самого себя, а своего Учителя. Но Христос не допустил, чтобы от этого произошел какой-либо вред [людям]. Он исцелил раба, и сделал великое чудо, которое могло открыть и Его кротость, и могущество, а равно и нежность любви, и покорность ученика, потому что тот поступок был свидетельством его любви, а этот послушания. Когда он услышал: *«вложи меч в ножны»* (Иоан. 18:11), то тотчас повиновался и впоследствии никогда не делал этого. Другой же евангелист повествует, что ученики спрашивали Его: *«не ударить ли нам мечом»* (Лук. 22:49)? Но Христос воспретил это, и исцелил раба, а ученику возбранил еще с угрозой, для того, чтобы более вразумить его: *«ибо все»*, говорит Он, *«взявшие меч, мечом погибнут»*. И приводит основание, говоря: *«или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?»* Но *«как же сбудутся писания»*? Этими словами Он остановил их горячность, показывая,

что случившееся с ним соответствует и Писанию. Поэтому Он и там молился, чтобы они с покорностью перенесли случившееся с Ним, зная, что это совершается по воле Божьей.

«Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:12-13).

Толкование святителя Григория Двоеслова

Если все священные изречения полны заповедей Господних, то что значит, что о любви, как особенной заповеди, Господь говорит: *«сия есть заповедь Моя, да любите друг друга»*, если не то, что всякая заповедь зависит от одной только любви и все заповеди составляют одну, потому что все заповедываемое основывается на одной только любви? – Ибо, как многие древесные ветви происходят от одного корня, так многие добродетели рождаются от одной любви. И ветвь доброго дела не имеет никакой зелени, если не пребывает на корне любви. Поэтому и много заповедей Господних, и одна; много – по разнообразию дел, одна – по корню любви.

В этом деле тщательно надобно всматриваться, что древний враг, располагая душу нашу к любви вещей временных, с противоположной стороны возбуждает против нас слабейшего ближнего, который замышляет унести то самое, что мы любим. Не о том старается древний враг, это устрояющий, чтобы уничтожить земное, но о том, чтобы убить любовь в нас. Ибо вдруг мы воспламеняемся ненавистью; и желая быть непобедимыми отвне, внутри страшно мучимся; а защищая малое отвне, мы весьма многое теряем внутри, потому что, любя вещь временную, мы лишаемся истинной любви. Потому что всякий, уничтожающий нашу собственность, есть враг. Но если мы начинаем питать ненависть к врагу, то теряем внутреннее. Итак, когда мы совне терпим что-либо от ближнего, тогда должны бодрствовать против сокровенного хищника внутреннего, который никогда удобнее не побеждается, как тогда, когда мы любим внешнего похитителя. Потому что одно и главное испытание любви, если мы любим даже того, кто делает противное нам.

Господь пришел умереть даже за врагов и, несмотря на то, Он говорил, что положит душу Свою за друзей, чтобы явно показать нам, что когда мы можем по любви сделать пользу врагам, тогда други наши даже те самые, которые преследуют нас.

Иной просит смерти врагу, и кого не может преследовать мечом, того преследует молитвой. И хотя тот, кому зложелательствуют, еще жив, однако же тот, кто зложелательствует, становится уже виновным в смерти его. Бог повелевает, чтобы любили врага (Мф. 5:44), и, несмотря на то, просят Бога, чтобы Он убил врага. Итак, кто молится таким образом, тот самими своими молитвами сражается против Создателя.

Сила истинной молитвы состоит в высоте любви. И каждый получает правильно просимое тогда, когда на молитве дух его не омрачается ненавистью к врагу. Но большей частью мы препобеждаем борющийся дух, если еще молимся за врагов. Уста изливают молитву за врага, но, о если бы и сердце вмещало любовь! Ибо часто мы и молитву воссылаем за врагов своих, но изливаем ее более по заповеди, нежели по любви.

Ибо и о жизни врагов мы молимся, и однако же боимся, как бы нас не услышал [Бог].

Итак, братие, что нам должно делать, если не то, чтобы иметь свойство истинной любви к братьям? Никакой злобы не должно быть в сердце. Да обсуждает Всемогуший Бог любовь нашу к ближнему, чтобы явить к нашим беззакониям Свое милосердие. Но этому противится разум: он и хочет исполнять слышимое, и однако же препирается. Если мы не полагаем за Христа тела, то, по крайней мере, препобедим душу. Этим жертвоприношением Бог умиляется, одобряет на суде любви Своей победу нашего мира.

«Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа» (2 Тим. 2:3).

Толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского

Видишь ли, что терпеть страдания свойственно воину? Поэтому не терпеть страданий недостойно воина. Следовательно, не должно скорбеть, если кто страдает, будучи поставлен в ряды воинов. Какая честь быть воином Христовым, когда некоторые считают важным быть воинами земного царя!

«Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику» (2 Тим. 2:4).

Толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского

Это сказано всем епископам и учителям. Сильное выражение: *связывает себя*. Ибо житейские дела точно суть узы и змеи. Под *делами* же дает видеть все хлопоты, сделки, суеты и тяготы житейские. Слова эти внушают: что вяжешь себя? Что вплетаешься в эти обременения и дела хлопотливые? Об одном воинствовании заботься, и таким образом угодишь Христу, избравшему тебя в Свое воинство.

Толкование преподобного Ефрема Сирина

Ведь *никто, воюя, не привязывает себя* к жизни сего века, то есть не печется о том, чтобы видеть свои имения и владения, но пребывает в подчинении у того, *кто избрал его, чтобы ему угодить*. Подобным же образом и человек должен отрешиться от всего и не быть привязанным ни к чему, кроме проповеди [Евангелия] и перенесения преследований, чтобы угодить одному только Небесному Владыке своему.

«Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться» (2 Тим. 2:5).

Толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского

То есть недостаточно выйти на подвиг или сойтись с противником, если человек не соблюдает законов борьбы касательно пищи, питья, воздержания и самого образа борьбы. Ибо не оставляется на произвол состязаться, как кто хочет, но есть и относительно этого законы, – состязательные. Посмотри на мудрость Павла. Он напоминает Тимофею о войне, чтобы показать, что тот должен быть готов на поражение и смерть, – и о борце, чтобы укрепить его на все и чтобы он постоянно был в подвиге.

Толкование преподобного Ефрема Сирина

И борец (атлет), выступающий на состязание, не может получить венка, если будет бороться не по закону состязания, то есть если он в борьбе одержит победу не по правилам игры и не так, как установлено. Подобно и те, кои исповедуют евангельское учение, не могут получить венец победы, если, вступив в борьбу с сокровенными скорбями, не одержать победы и не окажутся достойными посредством открытых гонений, на них поднимающихся.

«Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13: 4).

Толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского

Значит, не начальник производит в нас страх, но пороки наши, по причине которых и меч начальника, то есть власть наказывать. Начальник, говорит, не напрасно опоясывается мечом, но для того, чтобы наказывать порочных.

Толкование преподобного Ефрема Сирина

Ибо Божий служитель есть он, так как чрез него совершается воля Божия над праведными и беззаконными. Если же зло сделаешь, бойся и не делай, ибо не без цели (напрасно) опоясан мечом.

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Многие сначала навывали добродетели ради начальников, а впоследствии прилепились к ней из-за страха Божия. На людей более грубых не столько действует будущее, сколько настоящее. Потому тот, кто и страхом, и почестями предрасполагает души людей, чтобы они были способны воспринять слово учения, по справедливости назван Божиим слугой... Ты должен повиноваться, говорит (апостол), не потому только, что, не подчиняясь, противишься Богу и от Бога и людей навлекаешь на себя великие бедствия, но и потому, что начальник как охранитель мира и гражданского благоустройства есть величайший твой благодетель.

«Облекитесь во всеоружие Божье, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских» (Еф. 6:11).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Не сказал: против сражений, против войн, но *«против козней»*. Враг наш не прост и не открыто воюет с нами, но с коварством. Строить козни – значит обольстить и одолеть хитростью: это бывает и в искусствах, и в словах, и в делах, и в борьбе, когда нам случается иметь дела с обманщиками. Скажу для примера: [враг] никогда не предлагает явных грехов, не называет идолослужения, но, по своему коварству, устраивает это иначе, именно: пользуется предложениями, выставляет уважительную причину. Итак, [апостол] уже и этим ободрил воинов и заставил их трезвиться, когда научил и убедил, что у нас борьба с врагом опытным в воинских делах, что эта война против нас производится не просто и не открыто, но с великой хитростью. Сначала указанием на свойства и многочисленность врага он побуждает учеников своих к осторожности. Он хочет не ослабить воинов, которые противостоят врагу [дьяволу], но ободрить их и подвинуть их против него. Сказав об ухищрениях врага, этим он научает трезвенности. Если бы он указал им только на силу врагов и на этом и остановился, то привел бы их в уныние. Напротив, он и прежде и после этого показывает, что возможно одолеть врага, и тем самым особенно ободряет их. Чем более мы разъясняем своим сообщникам силу наших неприятелей, тем более побуждаем их к осторожности.

«потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6:12).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Представив им побуждение к особенной бдительности от свойства брани, потом внушает им бодрость указанием предстоящих подвигов. Каким образом? Сказав, что враги сильны, он навел на мысль, что и многого мы от них лишаемся. Борьба происходит в поднебесной, и не из-за денег, не из-за славы, но из-за пленения в рабство. Стало быть, вражда становится непримиримой. Соперничество и борьба бывают сильнее, когда они происходят из-за предметов важных. [Враги наши воюют с нами] не для того, чтобы после победы чем-нибудь воспользоваться, но для того, чтобы нас лишить [неба]. Заметь, какую бдительность возбуждает в нас сила врага, и какая трезвенность происходит оттого, что мы узнаем, что действительная опасность предстоит нашему великому благу, и что также мы должны заботиться о победе из-за великого блага, потому что враг наш старается свергнуть нас с неба. Кого это называет [Павел] *«Против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего»*? И какой тьмы? Не ночной ли? Нет, – греховной. Мы были, говорит он, некогда тьмой, называя так грех в настоящей жизни, потому что он уже больше не будет иметь места ни на небе, ни в грядущем веке.

Миродержителями же называет [дьяволов] не потому, чтобы они держали мир, но потому, что они настоящие виновники злых дел. Греховные дела Писание обыкновенно называет миром, например, в изречении Христа: *«Потому что вы не от мира, как и Я не от мира»* (Иоан. 17:14). Разве, в самом деле, [апостолы] были не от мира? Не были ли они облечены плотью? Но принадлежали ли к находящимся в мире? И в другом месте: *«Мир Меня ненавидит, а вас не может ненавидеть»*: и здесь также миром называет злые действия. Или, быть может, здесь под миром он разумеет самих злых людей, потому что демоны на них преимущественно простирают власть свою.

«Для сего примите всеоружие Божье, дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять» (Еф. 6:13).

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Днем лютым и этим лукавым веком называет настоящую жизнь, по причине зол, в ней бывающих, и требующих, чтобы мы постоянно были вооружены. *«И все, – говорит, – преодолев»*, – то есть, победив и страсти, и непристойные пожелания, и все, что причиняет нам зло. Так, чтобы не только одолеть, но и одолев стоять; а то случалось, что многие, одержавши победу, тотчас падали; не так, чтобы одно что-нибудь исполнить, а другого нет. При том после победы потребна бодрость; иначе то, что тебе удалось низложить, снова может подняться. Если мы не стоим, восстает то, что нами низложено. Пока мы бодрствуем, побежденный нами враг не воскресает.

Видишь ли, как [апостол] отогнал страх? Если есть возможность одержать победу и стать, то зачем избегаешь борьбы? Стой бодро по окончании борьбы и ты – победитель. Не удивляйся и тому, что так много сказано о силе врагов. Знание об этом должно производить не страх и робость, но может предохранять от беспечности. *«Дабы вы могли, – говорит, – противостать в день злой»*, – напоминанием о времени побуждает [к бодрствованию]. Непродолжительно время, как бы так говорит, а потому надобно стоять бодро во время брани; не должно ослабевать и после победы.

«Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир» (Еф. 6:14-15)

Толкование святителя Иоанна Златоуста

Устроив такое войско, пробудив в нем воинственный дух и ободлив его, наконец, [Павел] и вооружает это войско. Ведь никакой пользы не будет от оружия, если прежде не будут собраны воины и в душах их не будет возбуждено мужество. Сначала надлежит вооружить их изнутри, а потом уже извне. Если так бывает в отношении к воинам, сражающимся против внешних врагов, то тем более так должно быть в отношении к воинам духовным, которым свойственно вооружаться не с внешней стороны, но всецело с внутренней. И [апостол] пробудил и воспламенил храбрость, придал смелости, поставил их в добром порядке и затем вооружает их. Но смотри, как облакает их в самое оружие. *«Итак, станьте»*, – говорит он. Первое дело строевых – уметь хорошо стоять: от этого зависит многое. Потому [и апостол] нередко беседует о том, что должно стоять. Так, и в другом месте он говорит: *«Бодрствуйте, стойте»* (1 Кор. 16:13); и опять: *«Стойте так в Господе»* (Фил. 4:1); или еще: *«кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть»* (1 Кор. 10:12); а также: *«чтобы вы могли перенести все»*. И заметь: не о простом каком-нибудь стоянии он говорит, но о стоянии стройном. Опытные в воинских делах понимают, что значит умение стоять. Если кулачникам и борцам учитель прежде всего другого преподает искусство стоять, то гораздо более нужно это в сражениях, вообще в воинских делах. Кто прямо стоит, тот стоит, не развлекаясь и ни к чему не наклоняясь. В стоянии видна строгая прямота. Тот, кто ищет удовольствий, находится не в прямом, а в наклонном положении, равным образом и человек

сластолюбивый, и сребролюбец. Умеющему стоять самое стояние может служить как бы некоторой опорой, и все, касающееся борьбы, ему представится легким. *«Препоясав, – говорит [Павел], – чресла ваши истиной»*. Именно: мы должны сделаться столь легкими, чтобы ничто не мешало нашему странствованию. *«Облекишись в броню праведности»*. Как броня хранит от поражений, так и правда [спасает нас]. Правдой же называет здесь всю вообще добродетельную жизнь. Конечно, многие наносят ей раны; но поразить и низвергнуть ее никто и никогда не может, даже сам дьявол. Как бы так было сказано: внедривши в свою грудь праведные дела. О таких людях и Христос говорит: *«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»* (Мф. 5:6). Кто оградил свое сердце правдой, тот так же крепок, как и броня; такой человек никогда не увлечется гневом. *«И обув ноги в готовность благовествовать мир»*. Разумеется не что иное как самый лучший образ жизни. И правильно. Выше он упомянул о войне и сражениях, а теперь указывает на то, с кем должно вести сражения, именно – с демонами. Поэтому-то благовествование и делается благовествованием мира. Война с дьяволом прекращает другую войну – против Бога. Враждуем с дьяволом: это значит находимся в мире с Богом. Потому, возлюбленный, не опасайся [этой войны]: благовествование мира уже показывает победу.

«а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого» (Еф. 6:16)

Толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского

Словами же *«паче всего»* указывает на упомянутую выше истину и правду, и упование Евангелия. Ибо все это нуждается в вере. Но верой называет здесь не познание истинного богопочтения, а веру чуждую сомнения, которая заставляет верить в будущее, как настоящее, которая совершает знамения и настолько пламенна и горяча, что и горы переставляет. Итак, как щит прикрывает все тело, ограждая и защищая его подобно стене, так и вера без сомнений – ограда всей души. Такая вера, а не мудрование, есть щит. Щит прикрывает, а те только мешают.

«Которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого». То есть постыдные пожелания, помыслы неверия, (как например: будет ли воскресение? будет ли суд?) и искушения. Раскаленные же не только потому, что похоти разжигают и воспаляют к постыдным делам, но и потому, что здесь мы и совестью как бы сжигаемся. К тому же и диавол поджигает нас и чрез помыслы неверия и чрез искушения. Вера же угашает это; потому что если демонов она покоряет, то тем более страсти. Ибо разжигает ли тебя похоть, ты, веруя в будущие блага и радость, погасишь ее; палит ли тебя искушение, веруя в будущее, ты найдешь утешение.

(Православная энциклопедия «Азбука веры» <http://www.azbyka.ru>)

Святые отцы о войне, воинах и военной службе

Афанасий Великий

Послание монаху Аммуну

...и в других случаях жизни обретаем различие, бывающее по некоторым обстоятельствам, например: не позволительно убивать; но убивать врагов на войне – и законно, и похвалы достойно.

Так великих почестей сподобляются доблестные в брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния...

(Книга Правил святых Апостолов, Святых Соборов, Вселенских и Поместных, и Святых Отцов, 1893)

Амвросий Медиоланский

Слово на погребения Феодосия Великого

Когда пророк Елисей в Самарии неожиданно окружен был сирийскими войсками, тогда, видя это, слуга его Гиезий, сказал ему: увь! Господин мой, что нам делать? И сказал он: *«не бойся, потому что тех, которые с нами, больше нежели тех, которые с ними. И молился Елисей, и говорил: Господи! открой ему глаза, чтоб он увидел. И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея. Когда пошли к нему Сирияне, Елисей помолился Господу и сказал: «порази их слепотою». И Он порази их слепотою, по слову Елисея»* (4 Цар. 6:15) Слышали вы, воины, что где неверность, там и слепота. Ибо справедливо слепы были войска неверных. Напротив, где присутствует вера, там ополчаются ангелы. Благая вера часто действует и в самых мертвых: враг же с воинством своим мучим силой мучеников.

(Две книги о покаянии. Кн.2, с. 198–199)

Василий Великий

Правила

Правило 78: О воинах

Глава. Воинам не позволяется обижать и клеветать.

(Лк. 3:14): «Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем».

Правило 79: О государях и подданных

Глава 1. Государям должно защищать постановления Божии.

(Рим. 13:3-4): «Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо (начальник) есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое».

Глава 2. Высшим властям должно повиноваться во всем, что не препятствует исполнению Божиих заповедей.

(Рим. 13:1-3): «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» и проч. (Деян. 5:29): «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам». (Тит. 3:1): «Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело»

*(Творения иже во святых отца нашего Василия Великого.
Ч. 3. М., 1846)*

Правило 13.

Убиение на брани отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но может быть добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались от приобщения токмо святых таин.

*(Святитель Василий Великий. Примите слово мое:
Сб. писем, с. 204)*

Исидор Пелусиот

Об очищении воинов

...хотя умерщвление неприятелей на войнах кажется делом законным и победителям воздвигаются памятники, возвещающие их заслуги, однако же, если рассмотреть тесное сродство между всеми людьми, то и оно не невинно. Потому Моисей предписал и тому, кто убил человека на войне, очищения и кропления¹⁴.

(Православная энциклопедия «Азбука веры» <http://www.azbyka.ru>)

Иоанн Златоуст

Увещание

Но, прошу, соберитесь с мыслями, обращайтесь внимание на то, что говорится. Так как некоторые приводят в извинение брак, иные ссылаются на детей, иные на военную службу, иные на торговлю, иные на искусство, иные на рабство, иные на богатство, иные на бедность и на нечто другое подобное, то, поэтому, я хочу показать вам, что ни богатство не служит препятствием, ни бедность, ни военная служба, ни торговля, ни брак, ни дети, ни рабство, ни искусство, ни что-либо иное из такового...

¹⁴ Числ. 31:19

Это – отговорки, это – предлоги, это – злоумышления диавола. Ты выставляешь предлогом военную службу и говоришь, что я – воин и не могу быть набожным. Сотник не был воином? А он говорит Иисусу, что «я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой» (Мф. 8:8). И, удивившись, Иисус говорит: «истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры» (Мф. 8:10). Военная служба нисколько не послужила для него препятствием?.. Тоже и Павел, который был и гонителем церквей, а после того сделался проповедником и апостолом.

*(Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста,
т. 2, кн. 2, с. 931–932)*

Исидор Пелусиот

Письма воинам

Воину Туве

Не во время мира должно быть в полном вооружении, не среди торжища являться в воинственном виде и не по городу ходить с мечом в руках, но на войне, над сопротивниками надлежит делать такие опыты и на них наводить страх. Посему, если нравится тебе воинственный вид и желаешь себе победных провозглашений и памятников, то иди в стан сражающихся с варварами, а не здесь, за деньги купив себе право бежать оттуда и жить дома, представляй то, что должно делать там.

Воину Исаии

К воину, ведущему себя бесчинно. Если, по твоему мнению, острота оружия, шлем и панцирь – надежное средство жить безбедно, предаваясь грабежу и опустошая большие дороги, то знай, что многие, оградив себя еще надежнее, подверглись бедственной смерти, так как силе их не сопутствовала справедливость. Таковы у нас, по Писанию, Олив, Зевей, Салман, Авимелех, Голиаф, Авессалом и подобные им, а у внешних – Гекторы, Аяксы и выше всех думавшие о своей силе лакедемоняне. Поэтому, если хочешь быть не бесполезным воином, то как можно скорее обратись к духовной брани и ратуй более против своего бесчиния.

Тебя, который рад видеть драки, утешается мятежами и более всего заботится о том, чтобы все тебя ненавидели, как приличнее назвать? Не демоном ли негодным, намеренно изменившим свое естество? Итак, поскольку Христос и здесь прежде времени мучит демонов (Мф. 8:29), и там вместе с отцом их обещал им вечный огонь (Мф. 25:41), то или перестань вести жизнь любомытежную, или знай, что и здесь подлежишь Божиим казням, и там не избавишься от наказания.

Говорю, что не только рожденным, подобно тебе, от родителей темных и неизвестных, но и происшедшим от знаменитых и славных отцов не надлежит доходить до такого высокомерия и преступать пределы естества. Посему, чтобы, впав в чрезмерность, не понести и чрезмерных наказаний, старайся безумие высокомерия сдерживать браздами скромности; приобрети себе наружность, приличную человеку благонравному, и ни глазами, ни бровями, ни языком, ни походкою, не показывай в себе следа такой болезни.

Не вдавайся в гордыню по причине того, что дела идут у тебя успешно, как будто не можешь потерпеть чего-либо худого. Напротив того, содержи в мысли то, что обстоятельства часто принимают противоположный оборот, держись скромного образа мыслей и не выходи

из пределов человеческого естества. Правосудие надзирает за нашими делами. Возмечтавших о себе, что не подлежат уже наказанию, оно доводит до наказания таким образом, каким они думали избежать его.

Комиту Ермину

Теперь, когда вступил ты в права начальника, особенно можешь соделаться достойным славы и соревнования, если не будешь мстить обидевшим тебя. Но теперь, теперь-то всего более и предашь ты забвению прискорбное, когда начальственная власть доставила тебе наибольшую возможность наказать их.

Любомудрия твоего, досточудный, да не возмогут поколебать ни начальственная власть, ни величие сана, ни житейская благоуспешность, чем обыкновенно человеческое сердце всего более надмевается. А ты, почитая все это тенями и сновидениями, подвизайся в добродетели, потому что она среди всех стяжаний – неветшающая багряница.

(Православная энциклопедия «Азбука веры» <http://www.azbyka.ru>)

Аврелий Августин О граде Божьем

Учитель Церкви Августин Блаженный (354-430 гг.) был свидетелем взятия и разграбления Рима вестготами под предводительством Алариха в 410 г. Будучи в большинстве своем христианами, вестготы не тронули христианских святынь и пощадили укрывшихся там горожан. Тем не менее, неизбежные ужасы войны произвели на римлян настолько тяжелое впечатление, что они возроптали на Бога, напрасно попустившего, по их мнению, несчастья, обрушившиеся на мирных жителей. Труд Блаженного Августина, посвященный этому событию, многопланов. Во-первых, он объясняет, почему Господь вообще допускает войны и народные бедствия, и что христианину никогда не стоит отчаиваться даже в самых трудных и жестоких обстоятельствах. Во-вторых, закладывает основы концепции справедливой войны, которая господствовала в общественном сознании периода средневековья. И, в-третьих, проводит разницу между стремлением к земной и небесной славе, как идеалу, на котором строилась прежняя языческая и новая христианская государственность.

Знаю, какие нужны силы для того, чтобы убедить гордых, как велика доблесть смирения, благодаря которой все земные величия, колеблющиеся от непостоянства времени, превосходит не присвоенная себе человеческой спесью высота, а та, которая даруется божественною благодатью. Ибо Царь и Основатель этого града, о котором мы задумали говорить, открыл в Писании Своем народам определение божественного закона, в котором сказано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. IV, 6; I Пет. V, 5). Нельзя обойти молчанием и земного града, который, стремясь к господству, сам находится под властью этой страсти господствовать, хотя ему и поклоняются народы. Из этого-то града и выходят враги, от которых нам надлежит защищать град Божий. Многие из них до такой степени воспламеняются ненавистью к нему и до такой степени оказываются неблагодарными к очевидным благодеяниям его Искупителя, что поднимают против него в настоящее время языки свои.

А между тем они должны были бы все то, что претерпели от врагов сурового и жестокого, приписать божественному провидению, которое обычно исправляет и сглаживает войнами испорченные нравы людей, справедливую же и похвальную жизнь смертных в то же самое время этими поражениями упражняет и после испытания или переносит их в лучший мир, или удерживает на этой земле ради пользы других.

Итак, все эти опустошения, убийства, грабежи, пожары, страдания, совершившиеся во время последнего римского поражения, – все это породил обычай войны. А то, что совершилось по новому обычаю: что варварская необузданность оказалась кроткой непривычным для войны образом; что в качестве убежища народу, который должен был получить пощаду, были выбраны и указаны обширнейшие базилики, где никого не убивали, откуда никого не брали в плен, куда сострадательные враги приводили многих для освобождения, откуда не уводили в плен никого даже самые жестокие из них, – все это следует приписать имени Христа.

Кто-нибудь скажет: так почему же это божественное милосердие простерлось и на нечестивых и неблагодарных? А потому, полагаю, что его оказал Тот, Который ежедневно «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. V, 45). Хотя некоторые из них, размышляя об этом, исправляются от своей нечестивости покаянием, а некоторые, как говорит апостол, презирая богатство благодати и долготерпения Божия, по жестокости своей и непокаянному сердцу, собирают себе «гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по

делам его» (Рим. II, 4-6); однако терпение Божие призывает к покаянию злых, как бич Божий учит терпению добрых. Так же точно терпение Божие обнимает своим покровительством добрых, как божественная строгость стережет для наказания злых. Ибо такие блага справедливым, которыми бы не пользовались несправедливые, и такие бедствия нечестивым, от которых бы не страдали добрые, божественному провидению угодно уготовить в жизни будущей. А эти временные блага и бедствия оно пожелало сделать общими для тех и других. Это для того, чтобы не было слишком жадного стремления к благам, которые оказываются в распоряжении и людей злых, и нравственного отвращения от бедствий, от которых очень часто страдают и люди добрые.

Но есть довольно большое различие в том, как пользуются люди тем, что называется счастьем, или тем, что — несчастьем. Ибо добрый ни временными благами не превозносится, ни временным злом не сокрушается; а злой потому и казнится этого рода несчастьем, что от счастья портится. Впрочем, Бог часто обнаруживает с большей очевидностью действие Свое в распределении и этого рода предметов. Ибо, если бы всякий грех был в настоящее время наказуем очевидным образом, можно было бы подумать, что для последнего суда не остается ничего; и наоборот, если бы Божество в жизни не наказывало открыто никакого греха, подумали бы, что божественного провидения нет вовсе. Так же точно и в отношении к счастью: если бы Бог с очевиднейшей щедростью не давал его некоторым просящим, мы сказали бы, что оно зависит не от Него; а если бы давал всем просящим, подумали бы, что Ему только из-за таких наград и следует служить; служение же такое сделало бы нас не благочестивыми, а корыстолюбивыми и жадными.

Если это так, и если какие-нибудь добрые и злые одинаково подвергаются бедствиям, — из того, что не различено, что терпят те и другие, отнюдь не следует, чтобы между ними самими не было никакого различия. Различие между терпящими остается даже при сходстве того, что они терпят; и под одним и тем же орудием пытки добродетель и порок не делаются одним и тем же. Поэтому, терпя одно и то же бедствие, злые кланут и хулят Бога, а добрые молятся Ему и хвалят Его.

Да и что в этом общественном бедствии претерпели христиане такого, что при более верном взгляде на дело не послужило бы к их усовершенствованию? Во-первых, смиренно размышляя о самих грехах, разгневавшись на которые Бог наполнил мир такими бедствиями, они не настолько признают себя чуждыми разного рода проступков, чтобы всерьез полагать, что им не за что подвергаться за них временным лишениям. Не говорю о том, что каждый, даже если он вел и похвальную жизнь, в некоторых случаях поддается плотской склонности: если и не к безмерным злодеяниям, не к крайнему распутству и не к мерзости нечестивости, то, по крайней мере, к некоторым грехам, или редким, или столь же частым, сколь и малозначительным; об этом я не говорю. Но легко ли найти такого человека, который бы к этим самым лицам, из-за отвратительной гордости, распущенности и жадности, из-за омерзительных неправд и нечестия которых Бог, как и предсказал с угрозой, стирает земли (Ис. XXIV и др.), относился бы так, как следует к ним относиться, жил с ними так, как с такими следует жить? От того, чтобы их научить, усювестить, а иногда обличить и известным образом наказать, по большей части неуместно воздерживаются: то труд такой кажется тяжелым, то мы стесняемся оскорбить их в лицо, то избегаем вражды, чтобы они не помешали и не повредили нам в этих временных вещах, к приобретению которых еще стремится наша жадность, или потери которых боится наша слабость. Таким образом, хотя добрым и не нравится жизнь злых, и они не подвергнутся с последними тому осуждению, которое тем уготовано после этой жизни, однако, так как они щадят достойные осуждения грехи их, хотя за свои, даже легкие и извинительные, боятся, то по справедливости подвергаются вместе с ними и временным наказаниям, хотя в вечности наказаны не будут. Терпя вместе с ними божествен-

ные наказания, они по справедливости вкушают горечь этой жизни, так как, любя сладость ее, не захотели сделать ее горькой для упомянутых грешников.

Итак, я вижу в этом достаточную причину того, почему вместе со злыми подвергаются бедствиям и добрые, когда Богу бывает угодно поразить временными казнями развращенные нравы.

Рассмотрев и обсудив сказанное надлежащим образом, обрати внимание на то, случается ли с верными и благочестивыми какое-либо зло, которое не обратилось бы для них в добро? Потеряли они все, что имели? Неужто и веру? Неужто и благочестие? Неужто и благо внутреннего человека, богатого перед Богом (I Пет. III, 4)? Все это – богатства христианина, обладающий которыми апостол говорил: «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (I Тим. VI, 6-10).

Но [возразят нам] много христиан было и убито, много истреблено разными видами ужасных смертей. Об этом, возможно, и следует скорбеть, но ведь это – общий удел всех, которые родились для этой жизни. Я знаю одно, что не умер никто, кто рано или поздно не должен был умереть. А конец жизни один: как жизни долгой, так и короткой. Одно не лучше, а другое не хуже, или: одно не больше, а другое не меньше, коль скоро то и другое в равной мере уже не существует. И что за важность, каким видом смерти оканчивается эта жизнь, коль скоро тот, для кого она оканчивается, не вынужден будет умирать снова? Знаю, что наши чувства предпочитают лучше долго жить под страхом стольких смертей, чем, умерши раз, не бояться потом ни одной.

Та смерть не должна считаться злой, которой предшествовала жизнь добрая. Смерть делает злым только то, что следует за смертью. Поэтому, кому предстоит умереть, те не должны много заботиться о том, что именно с ними произойдет, от чего они умрут, а должны заботиться о том, куда, умирая, они вынуждены будут идти.

Но при такой-де массе трупов их не могли и похоронить! И этого благочестивая вера особенно не страшится, помня предсказание, что и звери, пожирающие трупы, не помешают воскресению тел, с головы которых не погибнет и волос (Лук XXI, 18). Что же, ложно то, что говорит Христос: «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего сделать» (Лк. XII, 4), коль скоро убийцы могут что-нибудь сотворить с трупом? Да не будет: сказанное Истиной не может быть ложью. Так сказано потому, что в живом теле, т. е. до его убийства, есть чувства; после же убийства в теле никаких чувств нет.

Нередко и целые войска, умирая за земное свое отечество, не заботились о том, где они будут лежать потом или каким зверям послужат пищей. И поэты весьма часто отзывались о таких с похвалой:

«Тем, кто не в урнах¹⁵ лежит, небосвод весь – надгробье».

Но многие христиане, говорят они, были уведены в плен. Действительно, было бы большим несчастьем, если бы они были уведены в какое-нибудь такое место, где не могли бы найти Господа своего! На случай же плена есть в Святых Писаниях наших великие утешения. Были в плену три отрока, был Даниил, были и другие пророки, и всегда с ними был Бог-утешитель. Не оставит верных Своих под господством народа, варварского, но человеколюбивого, Тот, Кто не оставил пророка Своего даже во чреве китовом.

В священных канонических книгах нельзя найти божественного предписания или дозволения на то, чтобы мы причиняли смерть самим себе даже ради приобретения бессмертия

¹⁵ Римляне имели обычай кремировать мертвецов, захоранивая прах в погребальных урнах.

или ради избежания и освобождения от зла. Когда закон говорит: «Не убивай», надлежит понимать, что он воспрещает и самоубийство, ибо, сказав это, он не прибавляет «ближнего твоего». Заповедь «не убивай» остается понимать в приложении к человеку: не убивай ни другого, ни самого себя. Ибо кто убивает себя, убивает именно человека.

Впрочем, тот же самый божественный авторитет допускает и некоторые исключения из запрета убивать человека. Но это относится к тем случаям, когда повелевает убивать сам Бог, или через закон, или же особым относительно того или иного лица распоряжением. В этом случае не тот убивает, кто обязан служить повелевшему, как и меч служит орудием тому, кто им пользуется. И поэтому заповеди «не убивай» отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или, будучи в силу Его законов, т. е. в силу самого разумного и справедливого распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью.

Величие духа не стоит усматривать в том, когда кто-либо убивает себя лишь потому, что не в состоянии перенести или какие-нибудь житейские трудности, или чужие грехи. Наиболее великим по справедливости должен быть назван тот дух, который в состоянии скорее вынести бедственную жизнь, чем бежать от нее, и который, пребывая в чистоте и безупречности совести, презирает людское мнение, в особенности же мнение толпы, как правило, превратное.

Говорят, что многие-де умерщвляли себя, чтобы не попасть в руки врагов. Но мы рассуждаем не о том, почему это делалось, а о том, следует ли так делать. Ибо здравый разум предпочтительнее сотни приме ров. Впрочем, с ним согласны и примеры, но только такие, которые куда более достойны подражания, ибо выше по благочестию. Не делали так ни патриархи, ни пророки, ни апостолы. И сам Христос, Господь наш, заповедуя апостолам в случае гонения на них в одном городе бежать в другой (Мф. X, 23), мог повелеть, чтобы они предавали себя смерти, дабы не попасть в руки преследователей. Но Он не заповедовал, чтобы таким образом переселялись к Нему из этой жизни те, коим Он обещал обители вечные (Иоан. XIV, 2).

Мы одно говорим, одно утверждаем, одно всячески доказываем: что самовольно никто не должен причинять себе смерти ни для избежания временной скорби, потому что иначе подвергается скорби вечной; ни из-за чужих грехов, потому что иначе, не оскверненный еще чужим грехом, он совершит собственный, причем самый тяжкий грех; ни из-за своих прежних грехов, ради которых настоящая жизнь особенно необходима, чтобы можно было исцелить их покаянием; ни из-за желания лучшей жизни, приобрести которую надеется после смерти: потому что для виновных в собственной смерти нет лучшей жизни и после смерти.

(О Граде Божьем. Кн. 1, гл. 1, 7-12, 14, 20-22)

* * *

...Почему, будучи угнетаемы несчастьями, жалуется вы, как не потому, что желали бы спокойно наслаждаться своею роскошью и предаваться распушенности развращенных нравов, не тревожась ничем неприятным? Ведь не для того же желаете вы сохранения мира и изобилия богатств всякого рода, чтобы этими благами пользоваться честно, т. е. скромно, трезво, умеренно и благочестиво, а для того, чтобы изведать бесконечное разнообразие наслаждений ценою безумной расточительности, из-за чего в нравах ваших среди благополучия возникло бы такое зло, которое было бы гораздо хуже самых свирепых врагов.

Сципион¹⁶, муж, по мнению целого сената, самый достойный, страхась подобного рода бедствий, не хотел, чтобы был разрушен Карфаген¹⁷, соперник римского государства, и возражал Катону¹⁸, требовавшему его разрушения, ибо опасался беспечности, этого извечного врага слабых душ, полагая при этом, что страх так же необходим для граждан, как опекун для сирот. И мнение его оказалось верным: история показала, что он говорил правду. Ибо, когда Карфаген был разрушен, т. е. когда великая гроза римского государства была рассеяна и уничтожена, то за этим немедленно последовало столько возникших из благополучия зол, что сперва жестокими и кровавыми мятежами, потом сплетением несчастных обстоятельств и даже междоусобными войнами было произведено столько убийств, пролито столько крови, порождено столько жестокой жадности к конфискации имущества и грабёжам, что те самые римляне, которые страшились при неиспорченной жизни зла от врагов, с утратою этой неиспорченности потерпели от сограждан зло гораздо худшее. И сама та страсть господствовать, которая более других пороков человеческого рода присуща была всему римскому народу, одержав победу в лице немногих сильнейших, придавила игом рабства и остальных, изнемогших от усилий и изнурения.

Разве эта страсть успокаивалась когда-нибудь в душах в высшей степени гордых?.. Но этого непрерывного перехода к новым и новым почестям не существовало бы, если бы честолюбие не перевешивало всего. Честолюбие же перевешивает только в народе, испорченном сребролюбием и роскошью. При устранении этих пороков процветала бы и возрастала полезная для государства добродетель и существовала бы сообразная с добродетелью свобода.

(О Граде Божьем. Кн. 1, гл. 30-31)

Ответят разве, что государство-де Римское не могло бы разрастись так широко и приобрести такую огромную славу, если бы не вело постоянных, непрерывно следовавших одна за другою войн? Нечего сказать, уважительная причина! Зачем же государству, чтобы стать великим, не иметь покоя?

Неужели для такого расширения государства следовало быть тому, что проклинали Вергилий, говоря:

«Но постепенно сменило их время худое,
Бешенство войн, неумная жажда наживы?»¹⁹

Итак, пусть снимутся с вещей ложные покровы и обманчивые прикрасы, чтобы подвергнуть их беспристрастному суду. Пусть никто не говорит мне, что такой-то и такой-то великий-де человек, потому что сражался с тем-то и тем-то и победил. Сражаются и гладиаторы, и они побеждают; и бесчеловечность этого рода вознаграждается похвалами. Но, по моему мнению, лучше кому бы то ни было понести наказание за бездеятельность, чем добиваться славы их подвигам.

Знаменитые победы Рима были не истинной радостью людей вполне довольных, а суетным утешением несчастных и обманчивым побуждением к перенесению новых бесполезных страданий для людей беспокойных. Добрые и благоразумные римляне пусть не сердятся на нас за то, что мы говорим подобные вещи; хотя об этом их не следовало бы ни

¹⁶ Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший (185-129 гг. до н. э.) – римский полководец, взявший Карфаген.

¹⁷ Карфаген был разрушен в ходе Третьей Пунической войны в 146 г. до н. э.

¹⁸ Марк Порций Катон Старший (234-149 гг. до н. э.) – римский политик, прославившийся фразой, которой он неизменно венчал свои выступления: «Карфаген должен быть разрушен!»

¹⁹ Вергилий, Энеида, VIII, 326-327.

просить, ни в этом убеждать, так как, несомненно, они не будут сердиться. А те, которые сердятся, выслушают ли меня спокойно, если я скажу только то, что говорит Саллюстий? «Возникли весьма частые беспорядки, восстания и, наконец, гражданские войны, когда немногие сильные, которым очень многие старались угождать, под благовидным предлогом защиты интересов патрициев или плебеев стали стремиться к господству; и добрыми и дурными гражданами стали называться не за заслуги перед республикой, – так как все одинаково были испорчены, – а добрым считался тот, кто был наиболее богат и мог сильнее наносить обиды, коль скоро защищал данное положение дел».

А во время Пунических войн²⁰, – когда победа долго оставалась сомнительной и колебалась между тем и другим государством, когда два наиболее сильные народа направляли друг на друга самые мужественные и самые могущественные удары, – сколько было стерто с лица земли мелких царств? Сколько разрушено обширных и знаменитых городов? Сколько пострадало, сколько погибло гражданских обществ? На каких громадных расстояниях произведены были опустошения стольких стран и областей? Сколько раз побежденные сперва были победителями после? Сколько истреблено было людей как из среды сражавшихся воинов, так и из среды народов, не поднимавших оружия? Какое множество кораблей частью было истреблено в морских сражениях, частью же погибло от бурь?

Даже те из писателей, которые поставили для себя задачей не столько описывать римские войны, сколько восхвалять римское владычество, признаются, что победитель часто бывал похож на побежденного.

(О Граде Божьем. Кн. 3, гл. 10, 14, 18-19, 23)

При отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре. И они также представляют собою общества людей, управляются властью начальника, связаны обоюдным соглашением и делят добычу по добровольно установленному закону. Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открыто принимает название государства, которое уже вполне присваивает ей не подавленная жадность, а приобретенная безнаказанность. Прекрасно и верно ответил Александру Великому один пойманный пират. Когда царь спросил его, какое право имеет он грабить на море, тот дерзко отвечал: «Такое же, какое и ты: но поскольку я делаю это на небольшом судне, меня называют разбойником; ты же располагаешь огромным флотом, и потому тебя величают императором».

Пусть, в самом деле, подумают, действительно ли следует людям добрым радоваться расширению государства. Несомненно, что возрастанию государства способствовала несправедливость тех, с которыми велись справедливые войны. Государство неизбежно оставалось бы малым, если бы спокойствие и справедливость соседей не вызывали никакой обидой войны против них; и при более счастливых условиях человеческой жизни все государства оставались бы малыми, наслаждаясь дружелюбием соседей, так что в мире было бы так же достаточно много государств разных народов, как в городе достаточно много домов разных граждан. Поэтому вести войны и путем покорения народов расширять государство представляется делом хорошим для людей дурных, но для добрых – это только дело необходимости. Может это быть названо и делом хорошим, но только потому, что было бы хуже, если бы люди более несправедливые господствовали над более справедливыми. Но не подлежит сомнению, что иметь доброго и мирного соседа – большее счастье, нежели подчинять

²⁰ Пунические войны – серия войн (264-146 гг. до н. э.), получивших свое название из-за латинского имени финикийцев-карфагенян – пунийцев (пунов) (лат. *roeni* или *punioit*), – между Римом и Карфагеном.

соседа плохого и воинственного. Желание ненавидеть или бояться кого-нибудь, чтобы было кого побеждать, – желание дурное.

(О Граде Божьем. Книга 4. Гл. 4, 15)

* * *

Теперь посмотрим, за какие нравы римлян и ради чего истинный Бог, во власти Которого находятся все земные царства, соизволил содействовать распространению их власти. Да, древние и первобытные римляне, хотя они, подобно другим народам, за исключением еврейского, чтили богов ложных и приносили жертвы не Богу, а демонам, тем не менее, как свидетельствует и доказывает их история, «из желания доброго о себе мнения не дорожили деньгами, добивались великой славы и честного богатства».

Эту славу они любили пламеннейшим образом, ради нее хотели жить, за нее, не колеблясь, умирали. Все другие страсти свои они подчиняли этой великой страсти.

Так как подчиненное положение казалось им бесславным, положение же господствующее и повелевающее – славным, то и саму отчизну свою они желали прежде всего видеть свободной, а затем и господствующей. Эта-то жажда доброго о себе мнения, это страстное желание славы и породили то множество удивительных дел, дел, по человеческой мерке, похвальных и славных.

Слава, которой они страстно желали, представляет собой суждение людей, хорошо думающих о людях. Поэтому лучше та добродетель, которая не удовлетворяется судом человеческого, а только судом своей собственной совести. Итак, не добродетель должна гоняться за славой, честью и властью, которых они желали для себя и которых добрые люди старались достигнуть добрыми искусствами, а, напротив, они должны гоняться за добродетелью. Единственно истинная добродетель есть та, которая стремится к той цели, в которой заключается благо человека, не имеющее в сравнении с собою ничего лучшего.

...Великие дела совершались немногими, которые были по-своему добрыми людьми; и когда зло делалось сносным и не переступало известных границ, попечением этих немногих добрых государство усиливалось, как утверждает тот же историк. Он говорит, что, читая и слыша о множестве знаменитых дел, которые совершил римский народ у себя дома и на войне, на море и на суше, он хотел обратить особое внимание на то, чем по преимуществу обуславливались эти знаменитые дела; так как он знал, что римляне очень часто небольшим войском сражались с большими легионами неприятелей, слышал, что при малых средствах велись войны с богатейшими царями, то после всестороннего обсуждения ему, говорит он, стало ясно, что все это совершила удивительная доблесть немногих граждан и что благодаря ей бедность побеждала богатства, малочисленность – многочисленность. Но после того, продолжает он, как общество было испорчено роскошью и бездействием, республика своим величием стала поддерживать лишь пороки военных и гражданских начальников.

...Верно и то, что люди, не испросившие по вере благочестия Духа Святого и не обуздывающие в себе гнуснейших похотей любовью к красоте духовной, из страстного желания человеческой чести и славы становятся если не святыми, то, по крайней мере, менее гнусными.

Об этом не мог умолчать и Туллий²¹. Говоря о таких ученых занятиях, которым следует предаваться ради истинного блага, а не пустой человеческой чести, он приводит такую повсеместно и всеми разделяемую сентенцию: «Науки и искусства питает честь; все горячо

²¹ Марк Туллий Цицерон (106-43 гг. до н. э.) – величайший римский оратор.

принимаются за славные занятия, оставляя в полном небрежении такие, которые кем-нибудь не одобряются».

Однако страсть к славе должна быть, по крайней мере, побеждена любовью к правде, так что если бы оказалось что-либо пренебрегаемым вследствие неодобрения некоторыми, а было бы между тем добрым и справедливым, то и само человеческое честолюбие устыдилось бы и уступило бы любви к истине.

Итак, если бы Бог, не давший вечной жизни со святыми ангелами Своими в небесном Своем граде, к участию в которой приводит истинное благочестие, – если бы, говорю, Бог не предоставил римлянам и этой земной славы создать превосходнейшее государство, то их добрым искусствам, т. е. доблестям, посредством которых они старались достигнуть этой славы, не было бы воздано заслуженной награды. Ибо о таких, которые совершают нечто доброе, чтобы найти славу у людей, сам Господь говорит: «Истинно говорю вам: они уже получают награду свою» (Мф. VI, 2). Так и они: пренебрегали ради общего достояния, т. е. ради республики и ее казны, своим достоянием частным; подавляли жадность; подавали свободный голос в совещаниях о делах отчизны; не запятнали себя перед лицом своих законов ни проступками, ни страстью; и всеми этими искусствами, как бы прямым путем, шли к чести, власти и славе: за это они и приобрели уважение к себе у всех почти народов; подчинили законам своего государства многие из них и в настоящее время славны почти у всех народов литературой и историей. Да, они не могут жаловаться на несправедливость верховного истинного Бога: они получили «награду свою».

Совершенно иная награда ожидает святых, терпящих здесь поношения за град Божий, ненавистный приверженцам этого мира. Тот град вечен. В нем никто не рождается, потому что никто не умирает. В нем истинное и полное счастье – дар Божий. Оттуда получили мы залог веры, обнадеживающий нас в то время, пока, странствуя, мы вздыхаем о красоте его. Там не восходит солнце над добрыми и злыми, но солнце правды сияет одним только добрым. И не будет особой нужды обогащать общественную казну за счет частного достояния там, где общим сокровищем будет сокровище истины. Поэтому и распространение Римского государства, сделавшее его славным в среде человеческой, совершилось не для того только, чтобы подобная награда была воздана подобным людям, но и для того, чтобы граждане вечного града, пока странствуют на земле, не оставляли без внимания и обсуждения подобных примеров и видели, как велика должна быть любовь их к небесной отчизне ради жизни вечной, если так любима была отчизна земная ее гражданами ради славы человеческой.

Есть, впрочем, различие между страстью к славе и страстью к господству. Хотя обычно бывает так, что увлекающийся до крайности страстью к славе домогается страстно и господства, однако те, кто желает истинной, хотя бы и человеческой славы, стараются быть на хорошем счету у людей благомыслящих. Посредством этого-то доброго в нравах и стараются достигнуть славы, власти и господства те, о которых говорит Саллюстий, что они идут прямым путем. А кто стремится к господству и власти без желания славы, заставляющего человека опасаться быть на дурном счету у людей благомыслящих, такой станет добиваться своей цели и посредством открытых до наглости злодеяний. Поэтому страстно желающий славы или идет к ней прямым путем, или, по крайней мере, старается достигнуть ее лукавством и обманом, желая казаться таким добрым, каким на самом деле не бывает.

Поэтому же в человеке, имеющем добродетели, великой добродетелью является презрение к славе; потому что презрение его ведомо Богу, но от человеческого суда скрыто. Пусть он и сделал бы, например, что-нибудь для человеческих глаз такое, из чего можно было бы видеть его презрение к славе: могут подумать, что он сделал это для большей похвалы, т. е. для достижения большей славы, и тогда у него нет средства представить себя для чувств подозревающих его людей иным, похвалы, презирает и безрассудство подозревающих; хотя, если он истинно добр, не презирает их спасения. Ибо имеющий добродетели от

Духа Божия справедлив до такой степени, что любит даже врагов, и любит так, что желает, чтобы его ненавистники и хулители исправились и были вместе с ним участниками не земного, а небесного отечества. А тот, кто, презирая славу, жадно стремится к господству, тот превосходит и зверей как в лютоści, так и в неумеренности.

...Все́м людям благочестивым известно, что без истинного благочестия, т. е. без истинного почитания истинного Бога, никто не может иметь истинной добродетели; и что та добродетель не есть добродетель истинная, которая покоряется человеческой славе. Те же, которые не суть граждане вечного государства, называемого в наших писаниях градом Божиим, бывают более полезны для земного государства, когда имеют по крайней мере такую добродетель, чем никакой. Но если ведущие в силу истинного благочестия добродетельную жизнь владеют искусством управлять народами, то ничего не может быть счастливее для человечества, если по милосердию Божию они получают власть. Такие люди все добродетели свои, какие только могут иметь в этой жизни, приписывают единственно благодати Божией, которая их дала им соответственно их желаниям, вере, молитвам, и в то же время понимают, как много недостает им до совершенства в правде, составляющего принадлежность того сообщества ангелов, войти в которое они стремятся. Как бы ни хвалили и ни превозносили ту добродетель, которая без истинного благочестия повинуеться человеческой славе, она не может сравниться даже с маленькими ростками добродетели в святых, которые видят свою надежду в благодати и милосердии истинного Бога.

Мы называем некоторых христианских императоров счастливыми не потому, что они долго управляли, или, скончавшись мирной смертью, оставили после себя управляющими своих сыновей, или покорили врагов государства, или в состоянии были избежать и усмирить возмущившихся против них граждан. Такие и другие награды или утешения этой многотрудной жизни удостоились получить и некоторые из почитателей демонов, не принадлежащие к царству Божию, к которому принадлежат императоры христианские. Случилось так по милосердию Божию для того, чтобы верующие в Бога не домогались этого как высочайшего блага.

Но мы называем христианских государей счастливыми, если они управляют справедливо; если окруженные лестью и крайним низкопоклонством, не превозносятся, но помнят, что они – люди; если употребляют свою власть на распространение почитания Бога и на служение Его величию; если боятся, любят и чтут Бога; если любят более то царство, в котором не боятся иметь сообщников; если медлят с наказаниями и охотно милуют; если сами эти наказания употребляют как необходимые средства для управления и охранения государства, а не как удовлетворение своей ненависти к врагам; если и помилование изрекают не для того, чтобы оставить неправду безнаказанной, а в надежде на исправление; если в том случае, когда обстоятельства вынуждают их произнести суровый приговор, они смягчают его милосердием и благотворительностью; если обстановка и род их жизни тем скромнее, чем более могли бы быть роскошными; если они лучше желают господствовать над дурными наклонностями, чем над какими бы то ни было народами, и делают все это не из желания какой-нибудь пустой славы, а из любви к вечному счастью; если не пренебрегают приносить Богу за грехи свои жертву смирения, сожаления и молитвы.

А чтобы люди, верующие, что Бога следует почитать ради жизни вечной, не пришли к мысли, будто земного величия и земного царствования не может достигнуть никто, кроме чтущих демонов, и будто духи эти проявляют в таких великую силу, – всеблагий Бог осыпал императора Константина²², не поклонявшегося демонам, но чтившего именно истинного Бога, такими земными дарами, о каких никто не осмеливался даже мечтать. Он дал ему воз-

²² Константин Великий (272-337 гг.) – римский император, провозгласивший христианство в качестве официальной религии.

можность создать город, союзный римскому государству, как бы дочь Древнего Рима, но без всякого демонского храма и без всякого идола. Блистательнейшими победами сопровождалась его военные походы и сражения; для подавления тиранов все обстоятельства благоприятствовали ему; умер он в весьма преклонные годы от болезни и старости, оставив правителями империи своих сыновей.

(О Граде Божьем. Кн. 5, гл. 12, 14-16, 24-25, 29)

Похвальное слово святым сорока мученикам

Проповедь святителя Григория Нисского (ок. 335-394 гг.) посвящена особо чтимым воинам, пострадавшим во время правления последнего языческого императора Лициния в 320 году. Память и победа этих доблестных воителей за Христа, мучившихся в ледяном Севастийском озере, празднуется 9(22) марта.

Римские воины в силу отечественного закона и древнего обычая, который приняли потомки от предков и сохраняют даже до настоящего времени, в начале настоящего месяца, облекшись во всеоружие и выступив в поле, достаточно открытое и ровное, где можно и раскинуть конский бег и устроить военные упражнения и обучаться с оружием во всякого рода борьбе, совершают вместе и начало нового года и проводят этот день как знаменательный²³.

Я же, совершая память мучеников, о чем возвестил вам в предыдущий день, сегодня, на удивление всем способным видеть, посредством воспоминания, представляю сорок вооруженных христовых воинов, превосходящих в подвигах всякую доблесть, украшение церкви, радость народов и славу даровавшего им крепость Бога. Вполне прекрасно и весьма полезно повествованиями о добродетели питать юношей и укреплять мужей.

И так сорок воинов по роду жизни служили в рядах войска римского царя, но по вере были христианами и благочестивыми по богопочтению. Когда же тогдашний властитель, будучи одним из многобожников, после того как демоны внушили ему этот жестокий совет, издал новый закон и предписание гнать христиан и повелел всем своим подданным совершить жертвенное курение фимиама демонам, а тех, которые этого не делали, – осуждать на смерть, прежде кончины подвергая всякого рода телесным истязаниям: тогда блаженные, жестокость тирана и богоненавистный закон обращая в повод к обнаружению своей доблести, отделившись от прочих воинов и составивши избранное и христолюбивое ополчение, предводимое силою Духа, явно противостояли этим гнусным предписаниям и все согласно, как бы едиными устами, исповедали нашу веру, говоря, что они мало заботятся об этой временной жизни и предоставляют и выдают тела свои на разнообразные виды мучений.

Еще более жестокий исполнитель²⁴ жестокого закона, узнав твердость святых, поспешил измыслить равносильное их готовности [пострадать] наказание, придумав для неустрашимых душ новую и необыкновенную угрозу. «Если я стану грозить им мечом, – говорил он, – то этот страх мал для того, чтоб ужаснуть их, и они никаким образом не преклонятся; ибо это мужи с детства знакомые с оружием и привыкшие носить меч; если присоединю другие мучения, то они доблестно вынесут их, изведав на опыте раны и удары; и огонь не страшен людям столь стойким, как эти. Поэтому нужно изобрести такое наказание, которое бы имело силу производить мучительную боль и было долговременно и продолжительно». Что же так тщательно придумал против святых этот лукавый изобретатель зла? После долгих забот он нашел мучение на открытом воздухе, которое с удобством представили ему и время и страна; время, – была зима, а место, – Армения, – страна, как знаете, смежная нам и весьма холодная, не доставляющая своим обитателям теплоты даже во время лета...

И так в сей-то стране и в настоящем месяце [мучитель], совлеки со святых одежду, совершенно обнаженных поставил на открытом воздухе, измыслив для учеников благочестия казнь противоположную вавилонской печи царя Ассирийского. Но нет ничего сходного, по отношению к жестокости боли, между жгущим огнем и приводящим в оцепенение

²³ В древности в зимнее время занятий с войсками не проводилось.

²⁴ Военачальник Агрикола.

и замораживающим холодом: первый по его действию подобен мечу, нанося скорую смерть; последний же, нанося равносильную боль, при этом надолго замедляет кончину. Вообще самые продолжительные страдания суть те, которые происходят от холода.

Я изложил пред вами эти сведения из природы не без цели, но чтоб вы поняли терпение сих мужей, обратив внимание на образ их мучения. Зима делает судоходные реки пешеходными и претворяет текучую воду в твердый камень; холод разрывает скалы, когда проникает в глубину; и в телах противоположного свойства производит равно вредное действие, превращая в камень жидкие и разрешая твердые. Так вино, когда замерзает, принимает вид содержащей его бочки и жидкое масло твердеет, получая форму своего сосуда; стекло и черепица, подвергаясь действию влажности, разрушаются. Животные, ведущие жизнь в горах и под открытым небом, одни [от холода] погибают, другие же от чрезмерной стужи забывают свою дикость: олени и дикие козы ищут приюта в укрытых местах; в это время они не боятся даже собак, не бегут от подходящих к ним, потому что большее зло всегда изгоняет боязнь меньших опасностей; птицы ищут тогда жилища вблизи людей и остаются под одною с ними кровлею.

Такое время и сделалось для тирана оружием против мучеников. Ибо должно было, как кажется, великому и согласному строю блаженных подвергнуться новому роду мучения для того, чтоб пред множеством других мучеников могли они получить несравненную славу благочестия. И так они стояли, дрожа от холода; члены их замерзали, но образ мыслей их был непреклонен; они стояли, представляя зрелище подвига для ангелов, людей и демонов. Ангелы ожидали отрешения [от тела] душ, чтоб, прияв их, возвести в назначенное им место; люди с напряженным вниманием ждали окончания [их подвига], испытывая силу общей всем природы, – в силах ли мы превозмочь столь великие мучения из страха и надежды будущего? Демоны же с особенным вниманием следили за происходящим, сильно желая видеть падение борцов и малодушное уклонение от опасностей; но надежда их была посрамлена укрепляющим Богом...

Как сильные ветры, пронесшись над покрытою деревьями местностью и потрясши вершины дерев, низвергают их с корнем на землю: так повергнут был зимнею стужею строй блаженных, – благородные произрастения рая, украшение человеческого рода, корни нашего произрастения, воины Павловы, копьеносцы Христовы, разрушители жертвенников, строители церквей, предназначенные ратовать против варваров и окончившие подвиг против общего врага человечества.

Смерть же для них не была неизбежною или неотвратимою, необходимостью, сохранение жизни для них было очень удобно и в их власти, если бы они только захотели малодушно воспользоваться тем, что было у них в виду. Неподалеку находилась баня, которая с особенною мыслью устроена была в соседстве с местом мучения. Дверь ее отворена и стояние около нее приглашали (войти); ибо тиранит, и коварный изобретатель гонения и всякого рода козней, предложил замерзающим близкую приманку к преступлению и советовал самим стремиться к врачевству, подобно тому как и отец его советовал первозданным вкушение от древа. Они же тогда еще более явили свое мужество, зная, что терпение тогда только выдерживает искушение, когда воздерживается от наслаждения предоставленного нашей свободе. Это в древнее время на самом деле и показал дивный Даниил; ибо, когда его убеждали принять обильную и приятную пищу и питье, он по презрению и отвращению от идоложертвенного предпочел употребление злаков; при скудной пище, постясь, он процветал и был телом здоровее питавшихся обильно: ибо в том особенный дар Божий, что Он верным рабам, в их лишении, дарует более, чем можно надеяться.

Впрочем, поскольку к высоким делам примешивается зависть, то блаженное ополчение находилось в опасности потерпеть поражение, и полнота его четвертей десятирицы едва не погибла; ибо один из них, измученный холодом, увы, при самом конце победы оставил

соратников и по коварству тирана удалился к бане; жизнелюбец пожалел о плоти уже истощенной, отпал от надежды, но не получил и самой временной жизни, тотчас скончавшись после преступления. Несчастный Иуда между мучениками, ни ученик, ни обогатившийся, сам налагающей на себя петлю.

И да не удивляется тому никто; ибо диаволу обычны такого рода козни над подпадающими его власти. Он обольщает и разными способами ласкательствует, чтобы ниспровергнуть; а ниспровергнувший тотчас попирает и смеется над лежащим, присоединяет к несчастью посрамление и радуется посрамлению обольщенного. Посему и псалмопевец назвал его *врагом* и *мстителем* (Пс. 8, 3), противоположностью имен означая изменчивость его нрава; он никогда не бывает союзником и другом людей, но только притворяется другом, когда пожелает надеть на себя личину обольщения.

Но Помощник в немощи нашей, Сеятель благих и слов и дел, подобно Аврааму, нашел себе овцу для жертвы из числа враждебных: из хулителей – исповедника, из сборища гонителей – мученика; ибо один из служителей казни при тиране, удостоившись видения ангелов, нисшедших к мученикам и осиянный явлением святых духов, как некогда Павел, когда путешествовал в Дамаск, славою Христа, тотчас изменил свой образ мыслей и, снявши с себя одежду, присоединился к замерзающим и, в короткий промежуток времени соединив все, стал новообращенным, исповедником, мучеником, омывшись банею пакибытия, в собственной крови, но крови замерзшей, а не текущей. Муж увенчанный, муж достойный всякой похвалы! Чрез него в церкви Божией я имею сорок венценосцев; чрез сего доблестного мужа соблюлась целостность мучеников: ради сего новообращенного совершаем мы совершенное; торжество при совершенном числе [святых]: диавол же испытал забавное и достойное смеха дело; ибо похитив воина, он потерял гонителя и исполнителя казни.

Что же после сего? Треблаженные достигли, куда стремились. Тогда распорядитель казни, не вынеся терпеливо победы мучеников, вступил в войну с мертвыми их телами, приказав предать огню жилища святых душ и в одном деле явился подражателем диких зверей и жестоких людей; ибо первые терзают одежду, брошенную бегущими от них людьми, которых они преследуют, а последние предают пламени и разрушают жилища ушедших неприятелей. И кто из мучеников с полным правом не мог сказать ему: «Я уже не боюсь твоей жестокости, неразумный; пока души были соединены с замерзающими телами, я боялся, как бы чрезмерность мучения не победила мужества благочестивых: но когда эта опасность прошла, пользуйся, как хочешь оставшеюся перстью: мне нет заботы, что ты воспользуешься нашими телами; и чем больше обнаружишь свою неистовую жестокость, тем более увенчаешь победу отшедших; ибо сильные нападения противников служат прямым доказательством мужества тех, которые их одолели».

Но зачем долгие рассуждения? Тела мучеников были сожжены, и огонь принял их; но пепел их и все оставшееся от огня разделил между собою мир, и почти вся земля получает благословение от сих святынь. И я имею частицу этого дара, и тела моих родителей я положил рядом с останками сих воинов, чтоб в день воскресения восстали они вместе с дерзновенными помощниками. Ибо я знаю, какую силу они имеют: я видел ясные доказательства их дерзновения пред Богом и хочу сказать об одном из чудес совершенных силою их.

В соседстве с принадлежащим мне селением, в котором покоятся останки сих треблаженных, есть небольшой городок называемый Ивора. По закону обычному у Римлян в нем производился набор воинов. Один из воинов прибыл в сказанное селение, будучи назначен воинским начальником для того, чтоб удерживать своих товарищей от насилия и обид, которые люди воинского звания по их дерзости обыкновенно наносят поселянам. У этого воина болела нога, и он хромал: болезнь была продолжительная и трудноизлечимая. И вот, когда он находился в храме мучеников на месте упокоения святых и, молившись Богу, просил ходатайства святых: является ему ночью некоторый величественного вида муж, который,

между прочим, ему сказал: «Ты хромаешь, воин? и тебя нужно полечить? Дай мне ощупать твою ногу», и, взявши, — это было во сне, — сильно потянул ее. Когда это совершалось в ночном видении, на самом деле послышался такой звук, какой бывает, когда кость выводится из своей естественной связи и затем насильственно вправляется, так что и спавшие вместе с ним пробудились, и сам воин тотчас проснулся и начал ходить, как обыкновенно ходят здоровые по природе.

Я сам видел это чудотворение, встретившись с самым этим человеком, который объявлял пред всеми и разглашал о благодеянии мучеников и восхвалял человеколюбие [святых] воинов. Я сказал это, дабы убедиться нам, что мученики, сегодня так послужившие нашей Церкви и сделавшиеся ее украшением, живы пред Богом, суть его копьеносцы и приближенные. Эта четырехдесятница, от памяти сорока мучеников, становится блистательнее и значительнее; месяц этот славнее других месяцев, и лютая зима уже не кажется мне тяжелою. Я не жалею о суровости настоящего времени; ибо оно, сделавшись оружием для гонителя, произвело для меня это священное ополчение.

И так, чему же нам более удивляться в предлежащих нашему прославлению мужах, множеству их, мужеству или нелицемерному единодушию? Но не пройдем прежде всего бесчувственно и неблагодарно числа их; ибо имеющий столькох заступников никогда не отойдет без исполнения своих молитв и прошений, хотя бы обременен был множеством грехов. В пользу этой мысли и надежды свидетель, — сам Бог в беседе с Авраамом. Когда Он принимал ходатайство за содомлян, то искал не сорока, но только десяти праведников для того, чтобы пощадить город, готовый к гибели. Мы же, по Апостолу, *имея вокруг себя такое облако свидетелей* (Евр. 12, 1.), признаем себя блаженными, радуясь в надежде, терпя в молитве и приобщаясь памяти мучеников; ибо сорок мучеников суть крепкие защитники от врагов и надежные ходатаи в молитве пред Господом. В надежде на них да дерзает христианин, хотя бы диавол измышлял на тебя искушения, и лукавые люди восставали, и тираны пылали яростью, и море бушевало, и земля не приносила того, что ей назначено производить для людей, и небо угрожало бедствиями. Ибо при всякой нужде, при всяком обстоятельстве, ему достаточно их силы, и он может получить обильную благодать от Христа, Которому подобает всякая слава во веки. Аминь.

*(Творения святого Григория Нисского.
Ч. VIII, с. 239–256)*

Евсевий Кесарийский (Памфил) О Константине Великом

В приведенных фрагментах из книг отца церковной истории Евсевия Кесарийского (ок. 263-339 гг.) повествуется о борьбе Константина Великого с двумя своими главными врагами Максенцием²⁵ и Лицинием²⁶, победное завершение которой превратило Римскую империю в христианскую державу.

Уразумев, что ему нужна помощь выше воинских средств, Константин, для отражения злоумышлений и чародейских хитростей²⁷, которыми любил пользоваться тиран, искал помощи Божьей. Вооружение и множество войска почитая средствами второстепенными, он признавал непреодолимым и несокрушимым только содействие Бога. Поэтому стал думать, какого Бога призвать бы себе на помощь. При решении сего вопроса, ему пришло на мысль, что немалое число прежних державных лиц, возложив свою надежду на многих богов и служа им жертвами и дарами, прежде всего бывали обманываемы лъстивыми оракулами, обольщались благоприятными предсказаниями и оканчивали свое дело неблагоприятно. Ни один из богов не был к ним столь милостив, чтобы не подвергать их посланным свыше бедствиям. Только отец его²⁸ шел путем тому противным. Видя их заблуждение и во всю свою жизнь чтя единого верховного Бога всяческих, он находил в Нем спасителя своего царства, хранителя его и руководителя ко всякому благу. Константин различал это сам про себя и основательно рассуждал, что полагавшиеся на многих богов подвергались и многим бедствиям, так что между людьми не осталось ни рода их, ни племени, ни корня, ни имени, ни памяти, между тем как Бог отца его давал ему чувствовать разительные и весьма многие доказательства своей силы. Сверх того наблюдал он, что прежде уже вступавшие в войну с тираном сражались при множестве богов, однако же имели постыдный конец²⁹. Слагая все это в своем уме, он почитал безумием – попусту держаться богов несуществующих и, после стольких доказательств, оставаться в заблуждении, а потому убедился, что должно чтить Бога отеческого.

***О том, как во время молитвы он удостоился видения
от Бога, то есть среди дня увидел на небе крест
из света с надписью, повелевавшей сим побеждать***

И начал призывать Его, просить и умолять, чтобы Он явился, вразумил его о себе и в предстоящем деле простер ему свою десницу. Усердно вознося свои молитвы и прошения об этом, василевс³⁰ получил удивительнейшее, посланное от Бога знамение, так что и поверить было бы не легко, если бы говорил кто-то другой. Но нас с клятвой уверял в этом сам победоносный василевс, когда, спустя долго после того, мы писали настоящее сочинение и удостоились его знакомства и беседы; посему, кто станет сомневаться в истине сего сказа-

²⁵ Марк Аврелий Валерий Максенций (278-312 гг.) – сын императора Галерия, узурпировавший власть в Риме в 306-312 гг.

²⁶ Флавий Галерий Валерий Лициний (ок. 263-325 гг.) – римский император (правил в 308-324 гг.), ставленник Галерия.

²⁷ Максенций по языческому обычаю был весьма склонен прибегать к гаданиям, нередко ужасного свойства.

²⁸ Констанций I Хлор (греч. χλωρός – бледный) – римский император (правил в 305-306 гг.).

²⁹ Галерий, соправитель Констанция Хлора, и его ставленник Флавий Север безуспешно пытались подавить мятеж Максенция.

³⁰ Василевс (др.-греч. βασιλεύς) – титул римских и византийских императоров.

ния, тем более, что и последующее время было свидетелем его истины? «Однажды, в полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться к западу, – говорил василевс, – я собственными очами видел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста, с надписью: «сим побеждай!». Это зрелище объяло ужасом как его самого, так и все войско, которое, само не зная куда, следовало за ним и продолжало созерцать явившееся чудо.

О том, как во сне явился ему Христос и повелел в войне с врагами иметь знамя, изображающее крест

Константин находился, однако же, в недоумении и говорил сам себе: «Что бы значило такое явление?» Но между тем как он думал и долго размышлял о нем, наступила ночь. Тогда во сне явился ему Христос Божий с виденным на небе знаменем и повелел, сделав знамя, подобное этому виденному на небе, употреблять его для защиты от нападения врагов.

Изготовление такого крестного знамени

Встав вместе с наступлением дня, Константин рассказал друзьям свою тайну и потом, созвав мастеров, умевших обращаться с золотом и драгоценными камнями, сел между ними и, описав им образ знамени, приказал, в подражание ему, сделать такое же из золота и драгоценных камней. Это знамя некогда случалось видеть и нам собственными очами.

Описание крестовидного знамени, которое ныне римляне называют хоругвью

Оно имело следующий вид: на длинном, покрытом золотом копье была поперечная рея, образовавшая с копьем знак креста. Сверху на конце копья неподвижно лежал веночек из драгоценных камней и золота, а на нем символ спасительного наименования: две буквы показывали имя Христа, обозначавшееся первыми чертами, из середины которых выходило «г». Эти буквы василевс впоследствии имел обычаем носить и на шлеме. Потом на поперечной рее, прибитой к копью, висел тонкий белый плат – царская ткань³¹, покрытая различными драгоценными камнями и искрившаяся лучами света. Часто вышитый золотом, этот плат казался зрителям невыразимо красивым, висая на рее, он имел одинаковую ширину и длину. На прямом копье, которого нижний конец был весьма длинен, под знаком креста, при самой верхней части описанной ткани, висело сделанное из золота грудное изображение боголюбивого василевса и его детей. Этим-то спасительным знаменем, как оборонительным оружием, всегда пользовался василевс, для преодоления противной и враждебной силы, и приказал во всех войсках носить подобные ему.

Поражение войск Максенция в Италии

Константин вооружился против тирании всеми средствами. Признав Бога всяческих и призвав, как спасителя и помощника, Христа Его, также поставив перед своими гоплитами и копьеносцами победную трофей со спасительным знаменем, он выступил со всем войском в поход и решился возратить римлянам полученную ими от предков свободу. Между тем как Максенций, надеясь более на хитрости волшебства, нежели на любовь подданных, не смел выйти даже и за ворота крепости, но всякое место, всякую страну, всякий подвластный

³¹ «Царской тканью» Евсевий называет шелк, стоивший в его время баснословно дорого.

себе город защитил множеством гоплитов и бесчисленными отрядами войска, – василевс, надеясь на помощь Божью, раз, два и три нападал на войска тирана и, разбивая их с первого раза, занял большую часть Италии.

Смерть Максенция на мосту реки Тибр

Наконец, он был уже близ Рима. Но чтобы не принуждать его воевать с римлянами ради тирана, последнего, будто какими цепями, Бог сам увлек весьма далеко от городских ворот и, говоря вообще, всем верным и неверным, лично видевшим дивные события, деятельно доказал, что древние, описанные в священных книгах происшествия, для многих нечестивых кажутся мифологией, для верующих истинны. Как во времена Моисея и благочестивого некогда народа еврейского, Бог ввергнул в море колесницы фараона и войска его, и в Черном море погрузил отборных всадников тристатов (Исх. 15, 45), так, подобно камню, пали во глубину Максенций и бывшие с ним гоплиты и копьеносцы³². Обращенный в бегство Константином, подкрепляемым силой Божьей, Максенций на пути должен был перейти через реку. Соединив суда, он сделал из них мост³³ и благодаря этому искусству приготовил свою гибель, хотя надеялся употребить его для гибели друга Божьего. Между тем, как последнему помогал сам Бог, – тот жалкий человек, лишившись Его помощи, тайными своими хитростями погубил самого себя. Именно: так как хитрости, скрытно заключавшиеся в связях моста, по мановению Божьему, действовали в не предполагаемое время; то мост исчез, суда со всеми людьми вдруг погрузились в речные глубины, – и сам бедняк прежде всех, а потом его щитоносцы и копьеносцы; так что вспомоществуемые от Бога победители, подобно народу, бывшему под предводительством великого служителя Божьего Моисея, если не словами, то самым делом повторили песнь, воспетую против древнего нечестивого тирана, и воскликнули: *Поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море. Помощник и покровитель бысть мне во спасение*. И еще: *Кто подобен тебе в бозех, Господи, кто подобен Тебе? Прославлен во святых, дивен в славе, творяй чудеса* (Ис. 15, 1. 2. 11).

Вступление Константина в Рим

Подобно великому служителю Божьему [Моисею], воспев на самом деле это и подобное этому, в честь Владыки всех и Виновника победы, Константин с торжеством вступил в царственный город. Тотчас все и члены сената, и другие высшие и знатные сановники, со всем римским народом, как бы освобожденные от оков, приняли его с веселыми лицами и сердцами, с благословениями и невыразимой радостью. В то же время мужья с женами, детьми и тьмой рабов громогласно и неудержимо провозглашали его своим избавителем, спасителем и благодетелем. Впрочем, обладая как бы врожденным благочестием, он нисколько не тщеславился сими восклицианиями и не возгордился похвалами, но сознавая помощь Божью, тотчас же вознес благодарственную молитву к Виновнику победы.

О его статуе с крестом в руках и о надписи

И возвестил всем людям о спасительном знамени посредством великого писания и столпов, а именно, среди царственного города воздвиг против врагов этот священный сим-

³² Имеется в виду эпизод сражения у Мульвиева моста в 312 г.

³³ Наплавной мост.

вол и начертал определенно и неизгладимо, что сие спасительное знамя есть хранитель римской земли и всего царства. Когда же на самом людном месте Рима поставили ему статую, он немедленно приказал то высокое копье в виде креста утвердить в руке своего изображения и начертать на латинском языке слово в слово следующую надпись: «Этим спасительным знаменем, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана и, по освобождении его, возвратил римскому сенату и народу прежние блеск и славу».

(Евсевий Памфил. Кн. I. гл. 27, 37-40)

* * *

Этот-то вышеупомянутый [Лициний] низвергся в бездну богоборцев и, соревнуясь с собственным бедствием с теми, коих гибель за нечестие видел своими глазами, снова, как некое уже погасшее пламя, возжег гонение на христиан, и произвел пожар нечестия ужаснее прежних. Впрочем, изворачиваясь, подобно какому-нибудь страшному зверю или лукавому змею, дышащему гневом и богоборческой угрозой, он, из страха к Константину, еще не дерзал явно восставать на подвластные ему Церкви Божьи, но, скрывая яд злобы, устраивал тайные и частные козни епископам, из которых славнейшие умерщвлены им по навету областных начальников. И способ убийства их был каким-то странным, до того времени неизвестным³⁴.

О том, как Константин склонился на сторону христиан, когда готовилось гонение

Молву о том, что сказали мы выше, находя невыносимой, Константин принял мудрое решение и, к врожденному человеколюбию присоединив твердость характера, поспешил на помощь угнетаемым. Рассудив так, василевс решился немедленно подать спасительную десницу людям, доведенным до крайней степени зла. И вот он сделал обыкновенные распоряжения к вооружению войска: собрались к нему все фаланги и конные тагмы³⁵, и перед всеми ними приказано нести знаки доброй надежды на Бога³⁶, оправдываемые тем символом, о котором говорено прежде.

О том, что во время сражения там, где показывался символ креста, там одерживалась победа

В самом деле, где он показывался, там враги обращались в бегство, а победители преследовали их. Когда василевс узнал об этом, то символ спасения, как действительнейшее средство победы, повелел переносить туда, где видел какой-либо свой отряд ослабевшим. Победа с ним тотчас восстанавливалась, потому что сражавшихся при нем укрепляли бодрость и сила, посылаемые свыше.

³⁴ При Лицинии во время гонений на христиан в 320 г. пострадали 40 мучеников севастиийских.

³⁵ Тагма – кавалерийский отряд, насчитывавший до 200 воинов.

³⁶ Имеются в виду знамена, несущие изображение креста, по образцу, описанному выше.

О том, что для ношения креста избрано было пятьдесят человек

Посему тем из своих щитоносцев, которые отличались крепостью тела, силой души и благочестивым нравом, Константин повелел состоять единственно при служении этому знамени. Таких мужей числом было не меньше пятидесяти, и они не имели другой обязанности, как либо стоять вокруг знамени, либо следовать за ним в качестве стражи, когда каждый из них попеременно нес его на своих плечах. Писателю настоящей истории, спустя много времени после сих событий, рассказывал об этом на досуге сам василевс, и, комментируя свой рассказ, присоединил следующее достопамятное происшествие.

О том, что один из крестоносцев убежал и был убит, а другой пребыл в вере и спасся

Однажды в самом пылу сражения, говорил он, в войске произошел шум, и распространилось великое смятение. В это время некто, носивший на плечах знамя, сильно страдал от робости и потом передал свою ношу другому, чтобы убежать с поля битвы. Когда же один принял, а другой удалился и нахо дился уже вне охраны знамени, пущенная стрела в сего последнего пронзила ему чрево и лишила его жизни. Принимая наказание за боязливость и неверие, он упал и умер. Напротив, для того, кто взял спасительное знамя, оно сделалась охраной его жизни, так что, сколько ни пускали в него стрел, – он оставался невредим. Все удары их принимало на себя копье знамени. Тут было что-то выше всякого чуда: как могли стрелы врагов, бросаемые в самое небольшое по объему копье, вонзаться в него и пронизывать его насквозь, а того, кем было оно носимо, избавлять от смерти, так что к людям, назначенным для сего служения, ничто не прикасалось. Это сказание не наше, кроме других сведений, и оно передано нашему слуху также василевсом. Силою Божьей одержав первые победы, он двинул войско в боевом порядке и пошел далее.

Различные битвы и победы Константина

Передовые отряды вражеского войска, не выдержав первого его натиска, побросали оружие и поверглись к ногам василевса, и он сохранил их всех невредимыми, находя удовольствие в спасении людей. Другие же, не выпуская из рук оружия, решились сражаться. Узнав, что дружеского призыва они не слушают, василевс послал против них войско. Неприятели тотчас же дали хребты³⁷ и обратились в бегство. После сего одни из них пойманы и по закону войны побиты, а другие, падая друг на друга, погибли от собственных мечей³⁸.

Бегство и волхование Лициния

После сего, начальник их, видя, что ему нет более помощи от рабов, что множество собравшихся к нему воинов исчезло, и что надежда на мнимых богов на деле оказалась ничтожной, предался постыдному бегству. Беглец действительно ушел и находился в безопасности, потому что боголюбивый василевс, желая доставить ему спасение, не велел слугам своим преследовать его по пятам. Он надеялся, что, сознавая размеры своих бедствий,

³⁷ Распространенное выражение, означавшее «обернуться спиной к врагу».

³⁸ Смысл выражения неясен. Возможно, воины Лициния, чтобы не сдаваться на милость победителя, предпочитали покончить жизнь самоубийством, закалывая друг друга.

Лициний когда-нибудь оставит свое дерзкое неистовство и направит ум к лучшему образу мыслей. Думая так по избытку своего человеколюбия, Константин не хотел помнить зла и намеревался даровать недостойному прощение. Но тот не оставлял своей порочности, прибавлял зло ко злу и устремился еще к большим дерзостям, даже снова и с новой надменностью обратился к злодейским средствам волхвов. О нем можно сказать почти тоже, что сказано о древнем тиране: *Бог ожесточил его сердце* (Исх. VII, 3).

О том, как Константин молился в палатке и побеждал

Но запутав себя в такие [преступления], Лициний стремился к бездне погибели. Напротив василевс, видя, что ему нужно будет вторично вступить в сражение, посвятил досуг своему Спасителю. Вне ограды³⁹ и на весьма далеком от него расстоянии поставил он палатку кресту и, держась там непорочного и чистого образа жизни, возносил молитвы к Богу, по примеру того древнего пророка Божьего, который, как уверяет божественное слово, поставил свою скинию также вне войска (Исх. 33, 7)⁴⁰. При Константине находились тогда немногие верные, известные ему своим расположением к благочестию. Это было обыкновенным его занятием и в других случаях, когда он намеревался вступить в сражение, потому что, радея о безопасности, действовал медленно и любил все делать по совету Божьему. В свободное время, вознося молитвы своему Богу, он, вероятно, сподоблялся богоявления, потом, как бы подвигнутый божественным вдохновением, выбегал из палатки и вдруг приказывал тотчас же двинуться войскам и немедленно обнажить мечи. Устремившись массами, войска его рубились отважно и, мгновенным натиском одержав победу, воздвигали победные трофеи над врагами.

Человеколюбие [Константина] к пленным воинам

Вести так себя и свое войско среди военных подвигов василевс привык задолго прежде. Своего Бога всегда ставя выше своей души, он старался все делать согласно с Его волей, и осмотрительно решался на смерть многих. Поэтому не более думал о спасении своих подданных, как и о спасении врагов, и когда его слуги одерживали победу в сражении, убеждал их щадить пленных, чтобы, то есть, будучи людьми, они не забывали о родственной природе людей. Если же иногда видел, что ярость его воинов неукротима, то укрощал ее деньгами, повелев каждого неприятельского воина, взятого живым, оценивать определенной мерой золота. Такая-то приманка спасать людей изобретена мудростью василевса, и тысячи даже варваров, выкупленные золотом василевса, были спасены.

Еще о его молитвах в палатке

Это и много подобного тому приятно было василевсу совершать и в другое время: тогда, как и теперь, по обычаю, перед началом сражения, он уходил в свою скинию и посвящал свободные часы молитвам к Богу, чуждаясь всякого самоугождения и всякой роскоши, обуздывая свое тело постом и лишениями и умиляя Бога прошениями и мольбами, да явит ему свое благоволение и помощь, и за тем старался исполнить все, что Бог полагал ему на ум. Он имел также неусыпное попечение обо всех и молился за спасение своих не более чем за спасение врагов.

³⁹ Имеется в виду вне ограды военного лагеря.

⁴⁰ «Моисей же взял и поставил себе шатер вне стана, вдали от стана, и назвал его скинией собрания...»

О том, как Лициний увещевал своих воинов не сражаться против креста

Узнав на деле, какова божественная и неизреченная сила спасительного знамени, посредством которого войско Константина умело обращать врагов в бегство, Лициний уговаривал своих воинов отнюдь не выходить ей на встречу и, как часто случалось не заглядываться на нее, ибо она страшна своей силой, враждебна ему и неприязненна, посему надобно остерегаться борьбы с ней. Распорядившись таким образом, он устремился в сражение с тем, кто, по человеколюбию, медлил и откладывал смерть его. Неприятеля, возбуждая в себе смелость мыслью о множестве богов⁴¹, вступили в дело с великой военной силой... [Константин же], облекшись в броню благочестия, противопоставил толпе противников спасительное и животворящее чудо [знамя], как некий устрашающий, или охраняющий от зол памятник, и сперва удерживался, щадил врагов, чтобы, сохраняя заключенный договор, не начать первому.

Победа Константина

Когда же увидел, что противники тверды в своем намерении и уже взялись за мечи, тогда, придя в негодование, одним криком и ударом прогнал всю силу неприятелей, и в одно и то же время одержал победу над врагами и демонами.

Смерть Лициния и торжество над ним

После того, отдав самого богоненавистника и его приверженцев по окончании войны, [Константин] предал их должной казни. Вместе с тираном взяты были, подвергнуты суду и погибли советники богоборчества, а другие незадолго надмевавшиеся надеждой на суетное, теперь самым делом приняли Бога Константина и согласились признавать его Богом истинным и единым.

(Евсевий Памфил. Кн. 2. гл. 1, 3, 7-10, 12-14, 16-18)

⁴¹ Лициний, как повествует об этом Евсевий, винил в своем поражении старых богов и изобретал себе новых, еще в большем количестве.

Глава 2. В служении христианскому братству

Псевдо-Маврикий Стратегикон

В древнейшем полемологическом сочинении Византийской империи – трактате, авторство которого приписывается императору Маврикию (правил в 582-602 гг.), описаны требования к военачальнику, в ряду которых особо выделяются благочестие и человеческие качества, помогающие снискать полководцу Божие благословение в воинских трудах. Трактат датируется концом VI-началом VII века.

Когда предстоит сделать что-либо важное, то главнокомандующий не должен уклоняться от труда, считая это как бы недостойным для себя, но взять руководство в предстоящем деле в свои руки и работать по возможности наряду с прочими. Вследствие этого каждый воин будет охотнее повиноваться и легче переносить труд, стыдясь неисполнения.

На проступки, совершенные многими воинами сообща, должен смотреть снисходительнее и присуждать к наказанию не всех, а только подстрекателей прочих; иначе одинаковое для всех наказание возбудит еще более недовольствия и бунт.

В ежедневном обращении с воинами главнокомандующий должен держать себя просто, быть прямым и любить их, как отец, обучать их снисходительнее и настойчиво требовать исполнения того, что важнее, наконец, вступать с ними в разговоры, употребляя при этом ласковые слова, фамильярность и прочее, что подходит к их понятиям; без этого нельзя уверенно управлять войском. Но относительно наложения справедливо заслуженных наказаний ему надо стараться быть твердым, непоколебимым и справедливым, в особенности когда надо наказать вожakov восстания, а не ждать, пока оно разрастется. Непоколебимость и справедливость главнокомандующего увеличивает авторитет его в глазах воинов.

Советуем ему охранять права воинов, есть умеренно, спать немного и в ночное время думать о том, что предстоит сделать. Потому что ночью лучше размышлять, так как ум не развлекается внешним шумом. Решаться, в особенности на важное, не сразу, а подумав; но раз решение принято, то ни по лености, ни вследствие боязни не упускать благоприятного случая для исполнения. Кто боится, тот не проникателен, смотрит вперед и представляет себе все в худшем свете. Не превозноситься при удаче и не падать духом при неудаче – это достояние твердого и непоколебимого ума (характера).

Кто более заботится о войске и об обучении его, тот менее будет подвергаться опасностям в бою. Никогда не следует вести в бой войско, не убедившись заранее в его мужестве.

В мирное время дисциплина и взыскания заставляют воинов исполнять свои обязанности, в военное же они становятся послушными от доверия к вождю и из-за наград.

Если воины будут почему-либо бояться неприятеля, то должно различными способами возбудить их мужество. Решаться надо осмотрительно, но раз решившись, быстро приводить задуманное в исполнение, потому что случай благоприятный на войне непродолжителен и, упустив его, можно потерять все сразу. Кто не превозносится в удаче и не теряет головы при несчастьи – тот явно предназначен к военной службе. Не тот страшен врагам, кто умеет красно говорить, а тот, кто действует решительно.

Излишний страх перед главнокомандующим, вследствие непомерной его строгости, вселяет в войске ненависть к нему, излишняя же снисходительность – презрение к нему. Главнокомандующий сам должен быть во всем примером для своих воинов, добродетель-

ным и воздерживаться от всего того, что запрещено воинам. Но должен своей справедливостью заслужить любовь своих воинов. Он обязан знать личные качества и слабости каждого из военачальников, а также кому и что лучше можно поручить.

Как нельзя без кормчего ввести судно из моря в гавань, так нельзя победить и неприятеля без порядка и военного искусства, посредством которых мы, при помощи Божией, можем разбить не только равное нам по числу неприятельское войско, но даже если оно много превосходит числом. Потому что сражения выигрываются не [опрометчивой] смелостью и не многочисленностью, как думают некоторые неопытные, а после помощи Божьей порядком и военным искусством, которому тем более предстоит дела, чем более неопытных в войске. Соблюдающие это остаются невредимыми и действиями своими приносят пользу, не соблюдающие – поражение и гибельные потери...

Итак мы советуем главнокомандующему прежде всего быть благочестивым и справедливым, чтобы через это снискать себе благоволение Божие. Потому что, склоняя Бога на свою сторону, он будет отважнее.

Каждая банда или тагма⁴², будет ли она стоять в лагере или где-либо вместе с другими, или одна сама по себе, должна каждый день рано утром перед занятиями, а также каждый вечер после ужина петь по установленному обычаю молитвы и Троесвятие...

Относительно же крика «с нами Бог», который в старину издавался в бою при атаке, то это кажется нам не только бесполезным, но даже и вредным и дающим повод к расстройству, когда он издается в такое время. Потому что при крике более трусливые из воинов останавливаются в то время, когда сражение в полном разгаре и перестают идти вперед, а более смелые, в запальчивости, выскакивают вперед и нарушают порядок в строю. Лучше накануне дня сражения служить молебны в лагере, а перед выходом из лагеря, священники, Император и прочие начальствующие лица должны возглашать перед всеми: ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ! Затем в каждой мере для предзнаменования счастливого исхода, провозглашать троекратно: С НАМИ БОГ! при выходе из лагеря. Когда же войско обороняется в лагере, то до битвы должно хранить полное молчание и не подавать голоса несвоевременно. От этого и войско не волнуется и команды начальников более слышны. Это вытекает прямо из понятия о сражении, а также из необходимости единства и из присутствия неприятеля. Но иногда, когда войско идет в бой, кстати, чтобы кричали, в особенности те, которые наступают сзади, для устрашения неприятеля и для воодушевления своих.

(Маврикий. Тактика и стратегия.

Кн. 2, XVII; кн. 7, I; кн. 8, I, II)

⁴² Банда, тагма – названия подразделений византийской армии.

Лев VI Мудрый Тактика

Еще более подробно говорит о качествах, которые должны быть присущи военному, трактат императора Льва VI (время правления 886-912 гг.).

Трактат написан в период тяжелейшего противостояния Византии арабо-мусульманской агрессии. В этих условиях война постепенно приобретала характер священной, ведущейся под знаменем ценностей отечественной религии, выступавшей основанием национально-государственной идентичности народа. Соответственно, религия начинала рассматриваться византийцами уже как своего рода военная идеология, сплачивающая воинов в бескомпромиссной борьбе с врагами.

О ТОМ, КАКИМ СЛЕДУЕТ БЫТЬ СТРАТИГУ⁴³

1. Итак, мы повелеваем стратигу быть воздержанным телесно, умеренным в повседневной жизни, трезвым и неусыпным, простым и неприхотливым в потребностях, выносливым в трудах, рассудительным и благоразумным, презиравшим сребролюбие, пользующимся доброй славой, не молодым и не старым, способным держать речь перед большой массой людей, быть, по возможности, отцом, имеющим детей, не быть склонным к торговым делам или к чему-либо подобному, не быть малодушным, равно как не увлекаться мелочными хлопотами, и вообще быть благородным духовно, а если это возможно, то и телесно, и быть великодушным во всем.

2. Воздержанным, чтобы ради удовольствий, губительно воздействующих на естество, он не пренебрегал бы заботой и радением о делах насущных.

3. Умеренным, поскольку ему предстоит взять на себя столь большую власть. Ведь люди, наделенные неумеренными и несдержанными порывами, становятся еще более необузданными в своих устремлениях, если они приобретают возможность действовать по собственному произволу, как они соображают.

4. Трезвым и неусыпным, чтобы он сохранял бодрость в великих делах. Ведь зачастую именно ночами, когда душа полностью умиротворена, разум направляет стратига и приводит его к цели.

5. Простым и неприхотливым в потребностях, ибо роскошь и многочисленная прислуга расточают время архонтов⁴⁴ и расслабляют их при осуществлении ими своих обязанностей.

6. Выносливым в трудах, чтобы он, будучи первым среди участвующих в походе, не искал отдохновения, но служил лучшим примером того, как следует достойно переносить все возникающие трудности.

7. Рассудительным и благоразумным, ибо стратигу надлежит быть во всем проницательным, достигая цели благодаря быстроте своего разума: ведь зачастую неожиданно возникшие тревожения вынуждают быстро принимать нужное решение.

8. Презиравшим сребролюбие. Ведь бескорыстие является испытанием для стратига всякий раз, когда он предполагает решать дела неподкупно и великодушно и когда он, управляя вверенной ему фемой⁴⁵, ставит достоинство превыше любого подношения. Ибо многие

⁴³ Стратиг – военачальник, главнокомандующий византийским войском.

⁴⁴ Архонт – высшее должностное лицо, властитель.

⁴⁵ Фема – округ, элемент военно-административного деления территории империи. Деление на феми возникло в VII

перед лицом врагов обладают и душевным мужеством, и телесной мощью, но когда они обращают свой взор на золото, то мельчают и ослабляются разумом. Ведь сребролюбие – опасное оружие, направленное против стратига, самое действенное для его низвержения и уничтожения.

9. Быть не молодым, но и не старым. Поскольку молодой не внушает доверия и не обладает душевным постоянством по причине молодости, а старец телесно немощен, то ни на одного из них нельзя положиться: ни на первого – из-за опасения, чтобы он не допустил ошибки вследствие неразумной отваги и смелости, ни на старца – из-за опасения, чтобы он вследствие физической немощи не упустил бы то, что необходимо сделать. Наилучшим был бы выбор человека средних лет – и не молодого, и не старого.

10. Ведь такому, поскольку он еще не состарился, будут свойственны сила и крепость, а поскольку он уже не слишком молод – присущи благоразумие и основательность. Те, которые преклонялись перед крепостью тела, лишенной душевного благоразумия, или, наоборот, перед благоразумием души, лишенным телесной крепости, не достигали никакого благоприятного результата. Ибо благоразумие, которому недоставало силы, не приносило никакой пользы, а сила, лишенная благоразумия, не достигала цели.

11. Нам известно, что стратиг, пользующийся любовью своих подчиненных, способен достичь наивысшей славы: такая любовь исключительно важна для командного состава. Если люди кого-то любят, они охотно повинуются его приказаниям, не противодействуют его словам и намерениям, помогают ему в опасности. Любовь ведь в том и заключается, чтобы положить душу за того, кого любишь.

12. Более предпочтителен отец, имеющий детей, чем бездетный, хотя не следует отвергать и того, кто не имеет детей, если в остальном он подходящ. Когда стратиг имеет детей, то если они малолетние, он проявляет больше рвения в усердном решении житейских дел из-за любви к детям и в стремлении к их благополучию. Если же они достигли совершеннолетия, они станут отцу советчиками и соратниками, окажут ему надежную помощь в управлении делами, направленными на всеобщее благо. По этой причине я полагаю, что человек, имеющий детей, более предпочтителен, чем бездетный.

13. Способный держать речь и быть оратором: это качество может принести войску громадную пользу. Выстроив войско к сражению, стратиг побудит своей речью презреть опасности, а зачастую и самую смерть, и проявить стремление к делам добрым и достославным. Даже боевая труба, прозвучавшая в ушах, не столь сильно побуждает душу к битве, как слово, сказанное со знанием дела, устремляет к доблести, делает услышавших его готовыми к борьбе и изгоняет чувство страха.

14. Если же войско постигнет неудача, слово утешения вновь укрепит души. Слово стратига способно оказаться гораздо более действенным для утешения войска в неудачах, чем усилия врачей, исцеляющих раны. Ведь врачи оказывают помощь одним только раненым, причем чаще всего лишь на короткое время, тогда как слово стратига сразу же укрепляет дух как пострадавших, так и утомленных, а в бодрых возбуждает мужество и отвагу.

15. Мы говорим, что он должен пользоваться доброй славой, потому что у большинства необходимость подчинения бесславному вызывает досаду. Ведь никто не согласится по своей воле признать господином и предводителем человека ниже себя по достоинству.

16. Мне представляется совершенно необходимым при выборе стратига иметь в виду, чтобы он, обладая достоинствами, о которых мы сказали ранее, пользовался и доброй славой. Если это не менее значительное достоинство не будет присуще человеку, его не следует держать на этой должности длительное время.

17. Мы не считаем, что при выборе на должность стратига следует заранее предпочесть богача из-за одного лишь его богатства, если у него нет соответствующих достоинств, а бедняка заранее отвергнуть из-за его бедности и нужды, даже если он этой должности достоин. Ведь мы отвергаем богача не по причине его богатства, а потому, что он не обладает достоинствами, необходимыми стратигу. И бедняка мы выбираем не за то, что он беден, а потому, что он обладает сознанием и благородством стратига. Мы никого из них не отвергаем по критерию благополучия, но выбираем из двух более достойного.

18. Доблестное богатство отличается от благородной бедности не более, чем посеребренное и позолоченное оружие отличается от того, которое покрыто медью или сделано из железа: первое превосходит второе блеском красоты, а второе соперничает с первым своей эффективностью.

19. Я веду речь о той благородной бедности, которая свободна от стяжательства и даропримства: стяжателя, чем более богатым он оказывается, ни в коем случае нельзя предпочитать при выборе стратига.

20. Но также не следует выбирать и какого-нибудь скрягу или корыстолюбца, занимающегося торговлей или чем-либо подобным: ведь их удел – низменность души, устремленность к одной лишь наживе, забота только о стяжании богатств и отсутствие каких бы то ни было добродетелей.

21. Если претендент окажется потомком блистательных и достославных предков, это следует приветствовать, но не нужно непременно требовать от него такого благородного происхождения, когда оно отсутствует, – отнюдь не по этому критерию следует выбирать стратига, тем более если он уже проявил себя хорошим военачальником.

22. Подобно тому, как мы обнаруживаем благородство и неблагородство животных по их собственным повадкам и привычкам, точно так же нам следует выявлять благородство людей по делам и успехам их собственным, а не их предков...

23. Стратигов следует выбирать по их собственной доблести, даже если они не блистают родом. Счастлив стратиг, доблести которого соединяются с блеском его предков, но если собственные доблести отсутствуют, то наличие второго условия бесполезно.

24. Пожалуй, оправдают больше надежд и окажутся лучшими те стратиги, которые не возвеличены предками. Ведь те, которые получили известность благодаря родителям и восприняли славу от них, часто оказываются более нерадивыми и беззаботными, а те, которые не обладают славой предков, стремясь восполнить неизвестность отцов собственным усердием, подходят к исполнению своих обязанностей с гораздо большим рвением. И подобно тому, как бедняки с большим старанием, чем богачи, устремляются к приобретению жизненных благ, спеша восполнить упущение судьбы, точно так же и те, которые не унаследовали известность отцов, стремятся приобрести свою славу собственными делами.

25. Итак, по этим причинам следует предпочитать стратига доблестного, благородного, богатого. Но не нужно отбрасывать и бедного, но достойного, даже если его род не восходит к блистательным и достославным предкам.

26. Обобщая, нужно сказать, что стратигу, если это возможно, следует иметь хороший внешний облик, быть мужественным, трудолюбивым, обладать острым умом, быть благородным, усердным, неустрашимым, в высшей степени благочестивым и ревностным в осуществлении богоугодных дел.

27. властвующим над плотскими удовольствиями, но ненасытным и неутомимым в осуществлении добрых дел, побуждаемых разумом,

28. способным еще в невидимом своевременно разглядеть и то, что представляет опасность, и то, что является первоочередным,

29. умеющим с большим успехом обнаруживать все то тайное, что скрывается в очевидном,

30. быть опытным в построении, вооружении и упорядочении войска,
31. способным своими словами воодушевить павшее духом войско, вдохнуть в него добрые надежды, подготовить его к предстоящим опасностям,
32. быть непоколебимо твердым в соблюдении договоренностей и соглашений,
33. но при этом сохранять осторожность и не попадать в плен словесным обещаниям, которыми некоторые стремятся подменить свои обязательства,
34. быть бережливым в отношении средств, расходуемых на собственные потребности, и довольствоваться малым; в отношении же средств, идущих на благо его подчиненных, а особенно на общественные нужды – проявлять щедрость и широту души.
35. Итак, при выборе стратига за основу должны быть взяты такие его природные качества, привычки и нравы, которые описывает наше наставление. Сверх того, он должен быть добросердечным, обходительным, решительным, невозмутимым,
36. но не настолько мягким и кротким, чтобы заслуживать презрение, и не настолько жестоким, чтобы вызывать ненависть. Не следует ни ослаблять войско и всех подвластных людей собственной нерешительностью, ни отвращать их любовь устрашением.
37. Обо всем остальном, чем стратигу придется заниматься в наиболее важных делах повседневного управления, и о том, чего ему следует остерегаться, мы пока воздержимся говорить по причине множества этих дел...
38. Мы надеемся, что избранный нашим императорским величеством стратиг, соблюдающий указанные требования, будет наслаждаться и милостью Бога, и нашим расположением, и общественным благоволением, и всеобщим почетом, и благоденствием жизни во Христе – единственном во всем мире нашем предвечном и непреходящем властителе...
39. И прежде всего остального мы даем тебе, стратиг, первое увещание и наставление: руководствоваться благочестием и справедливостью, как бы постоянно видеть перед глазами Бога и бояться Его, и любить Его всем своим сердцем и всей своей душой, а после Него и нас, исполнять Его заповеди и по этой причине приобрести Его благоволение, чтобы в случае опасности смело отважиться вознести доверительную молитву к нашему общему Владыке, как это позволяет себе друг по отношению к другу, имея надежду на такую же дружескую помощь с его стороны. Ибо прав сказавший: «Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит, и спасает их» (Пс., 144, 19).
40. Знай же, что ни один замысел, даже если он кажется разумным, невозможно осуществить без Божественного благоволения, равно как и одолеть врагов, даже если они считаются слабыми, поскольку все пребывает в Провидении Божьем, и даже самое мельчайшее из всего сущего управляется Его промыслом.
41. Ведь подобно тому, как искусство корабельного кормчего, даже самого лучшего, оказывается бесполезным, если дующие ветры неблагоприятны, и наоборот, если ветры попутны и к ним дополнительно присоединяется искусство кораблевождения, тогда бег корабля в безопасное место убыстряется вдвое – точно так же, если доблестный стратиг, защищенный Божественным благоволением, будет правильно соблюдать требования тактики и стратегии, проявляя при этом неусыпность и рвение, он будет надежно управлять вверенным ему войском и сможет противостоять коварным замыслам врагов. Ибо Божественное Провидение, с одной стороны, наставляет к пользе, с другой стороны, приводит к благоприятному исходу. Именно оно в качестве надежного и непоколебимого основания способствует нарастанию благочестия в вере, усилению справедливости в решении дел подвластных лиц и приращению всех остальных благ.
42. Будь кротким и невозмутимым в отношении просителей: ведь необузданность нрава ненавистна и нетерпима.
43. Будь простым и неприхотливым в пище и в одежде, ограничивай себя в пустых тратах необходимых средств.

44. Занимайся положенными делами неутомимо и усердно, а не беспечно и небрежно. Ведь проявляя заботу и настойчивость, можно успешно завершить даже самые трудные из дел, а тот, кто пренебрегает делом, сам вследствие этого оказывается в пренебрежении.

45. В важных и необходимых делах ничего не предпринимай без совета: если даже ты посоветовался накоротке и с запозданием, выполняй согласованное решение в кратчайший срок и основательно, насколько это окажется возможным, подобно тому, как действуют врачи при лечении недугов.

46. Отношение к подчиненным должно быть равным: никогда не следует быть к ним пристрастным, но всегда необходимо действовать по справедливости.

47. Не следует, однако, проявлять слабость и попустительство в отношении тех, кто виновен в злонамеренности или небрежении, считая эту мягкость более предпочтительной: ведь нет ничего хорошего в том, чтобы плодить зло и нерадивость, особенно в трудные времена и при решении неотложных дел; но и не следует, наоборот, налагать наказания поспешно и неразборчиво только ради показа суровости: первое из сказанного порождает презрение и непослушание, а второе – вполне объяснимую ненависть и все остальные произрастающие из этого плоды. Наилучшим вариантом была бы боязнь, порождаемая справедливостью, и разумное наказание по очевидности причины, или нечто такое, что не является наказанием, но рассчитано на вразумление добропорядочных людей.

48. Готовясь к войне, прежде всего заранее предусмотрй, чтобы причина этой войны была законной, и не обращай против врагов несправедливую силу до тех пор, пока они со свойственным им нечестивым обычаем развязывания войны сами не нападут на нашу землю первыми.

49. Ведь для нас всегда предпочтителен мир во имя Христа, всеединого Владыки и Господа Бога, как с подвластными нам народами, так и с варварами, и если эти народы из любви к миру будут держать свои границы закрытыми и не станут действовать несправедливо, то ты и сам будешь огражден от нападений, и не обогришь землю кровью ни соплеменников, ни варваров. Вместо того чтобы получить обвинение врагов, что ты начал несправедливую войну без какой бы то ни было несправедливости к тебе, пусть будут обвинены сами враги в том, что они сотворили несправедливость в отношении миролюбивых подданных нашего величества. Нам же, исходящим из миролюбия людей, всегда следует, насколько это возможно, добрососедствовать с сопредельными народами, желающими этого, никогда не творить обиды тем подвластным нам народам, которые предпочитают мирное состояние всякому остальному, жить с ними в согласии и отвергать войны.

50. Если же враги не проявят благоразумия, но продемонстрируют несправедливость, вторгнувшись в нашу землю, тогда возникнет законная причина (а именно несправедливая война со стороны врагов) решительно и смело повести войну против них, поскольку они создали к этому предпосылки, подняв несправедливую руку на наших подданных; при этом появится твердая уверенность в том, что ты получишь обоснованную помощь Господа Бога и, мобилизовав все силы, преодолеешь опасность, нависшую над нашими собратьями. Именно поэтому мы увещеваем твое достоинство предусмотреть все, чтобы обеспечить законную причину войны, и лишь при этом условии поднять вооруженную руку на неправых.

51. По всем этим причинам тебе необходимо проявить себя лучшим во всех отношениях среди своих подчиненных, превосходя их верой в Господа Бога, благочестием и другими добродетелями. Как известно, дух командиров руководит поведением подчиненных: согласно пословице, не лани командуют львами, а львы ланями.

52. Таково, стратег, краткое изложение требований, предписываемых нашим императорским величеством – требований, польза которых именно в том, что они не слишком длинны.

53. Итак, владея всеми этими знаниями, стремись к их приращению, присоединяя к ним усердное исполнение добрых дел, чтобы твой ревностный дух многократно приумножал то, что тебе предписано, свершением достославных дел, которые заслужат одобрение, в первую очередь, Господа Бога, а после него – и нашей императорской власти, так чтобы ты заслуженно добывал свои награды и с той, и с другой стороны.

(Тактика Льва, с. 102–110)

О ПОДГОТОВКЕ К СРАЖЕНИЮ

72. Обращаясь к войску перед сражением, кантаторам⁴⁶ надлежит сказать следующее: необходимо помнить, что самое первое, что заслуживает вознаграждения, это верность Господу и благодеяния, оказываемые императору (преуспевание в этом выше всего остального), что каждый ходит под Богом, проявляя любовь к Нему и к любому из живущих, к братьям по вере, к женам и детям, если они есть, к отечеству. Следует также сказать, что останется вечной память о тех, кто отличился в сражениях за свободу своих братьев, что со стороны врагов такая война противна Богу, что мы, располагая благоволением Бога, обладаем преимуществом в войне, а они, действуя против Его воли, не пользуются Его доверием; следует дополнительно продумать и другие вдохновляющие увещания, подобные этим. Такие слова, вовремя сказанные, способны очень сильно возбудить душу – даже больше, чем обещание материальных благ.

(Тактика Льва, с. 199)

О ДНЕ СРАЖЕНИЯ

1. Итак, мы предписываем тебе, стратег, чтобы войско в день сражения было прежде всего здоровым. Следует еще до ночи провести усердную молитву и всем получить благословение священников, чтобы благодаря этому все должны быть убеждены словами и делами в благоволении Бога, а потому шли в бой просветленными и уверенными.

(Тактика Льва, с. 211–212)

О ДЕЙСТВИЯХ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ

2. Прежде всего, тебе следует вознести благодарение Господу Богу нашему Иисусу Христу, и если еще до победы было обещано, что после победы будет воздан какой-либо благодарственный дар, не упусти из виду этот дар воздать.

14. Если случится так, что войско будет побеждено, не оставляй мысли с помощью речей ободрить оставшихся в живых и воодушевить их.

15. Ведь часто те, которые достигли успеха, проявляют себя более легкомысленными в отношении мер собственной безопасности. А ведь когда они относятся пренебрежительно к побежденным, они проявляют пренебрежение сами к себе. И поэтому зачастую удача оборачивается для счастливых бóльшим вредом, чем тот, который претерпевают несчастливые.

16. Когда ты обучился на собственных неудачах, ты защитил себя от предстоящего, которое может принести тебе страдание. Тот, кто не был в несчастье и потому не имеет соот-

⁴⁶ Кантаторы – специально отобранные, обладающие красноречием рядовые воины и архонты, вдохновлявшие войско перед битвой своими речами.

ветствующего опыта, не обладает предвидением предосторожности, чтобы не пострадать от того, чему он не обучен.

17. Если ты завершишь войну перемирием, достигнутым вследствие устной договоренности или обоюдных соглашений, то ты, соблюдая собственное обещание, не должен нападать на врагов, но вместе с тем не оставаться беззащитным. Сохраняй спокойствие по отношению к врагам в силу достигнутых соглашений, как это происходит в условиях мира; будь защищенным, чтобы не погибнуть или не пострадать от врагов, как это происходит, когда ты ведешь войну или ее планируешь.

18. Целесообразно тебе в это время не быть беспечным, но и, наоборот, не поступать вероломно по отношению к установленным соглашениям, освященным клятвой Богу, но быть наготове, чтобы защититься от лукавства и коварства врагов, ибо помыслы врагов, заключивших договор и пребывающих в мире, неисповедимы. И потому тебе следует сохранять верность своему слову, не поступать несправедливо и блюсти благочестие, но иметь при этом в виду ненадежность врагов, чтобы не оказаться жертвой их нечестивости.

19. Сводить все к каре Божьей – мысль неправильная. Ведь человек не сразу навлекает на себя Божий суд, хотя судьба каждого из сущих в Его предвидении. Но разве кто-то может быть уверен, что если поступить нечестиво, уподобившись врагам, то они будут погублены, а ты будешь спасен?

20. Итак, предприняв меры по обеспечению нашей безопасности, мы получим возможность наглядно выявить нечестивость наших врагов, если она будет иметь место. Таким образом, ты благодаря своей предусмотрительности не претерпишь никакого вреда, а враги, замыслившие зло, проявят свою нечестивость, когда они предпримут какие-то враждебные действия, и если они выступят против тебя, то Бог будет твоим хранителем за твою верность согласованным договоренностям.

(Тактика Льва, с. 247–250)

ОБ ОБУЧЕНИИ БОЕВЫМ ПОСТРОЕНИЯМ

16. Итак, знай, стратиг, что ты должен не только сам быть беззаветно предан своему отечеству и готов, если это потребуется, положить свою душу за истинную христианскую веру, но и все архонты, состоящие под твоим командованием, и все стратиоты⁴⁷ в своей массе должны быть подготовлены к тому, чтобы все они в этом оставались непоколебимыми. А у тех, у которых для выработки таких добродетелей твоя забота и твое усердие окажутся недостаточными, – у таких любовь к отечеству и повиновение властям следует воспитывать любовью и страхом.

17. Им также следует быть выносливыми и постоянно готовыми к сражению за родину.

18. Сам же ты в своей деятельности наибольшее внимание уделяй не безрассудной отваге и опрометчивости, а разуму и полководческому искусству, и вместе с вверенным тебе войском овладевай боевыми построениями.

19. И приучай всех тех, кто ратоборствует за Христа Господа нашего, за своих родных, друзей, отечество и весь христианский люд, без труда выдерживать и невозможность утоления жажды, и нехватку пищи, и испытания холодом и зноем, чтобы, столкнувшись с этими невзгодами, как это случается, уметь мужественно их преодолевать. И за труды ваши уготована вам награда от самого Господа и Его царства, а также от нас, ибо мы разделяем с вами ту повседневную заботу, которая на вас возложена.

⁴⁷ Стратиоты – воины, набравшиеся из свободных крестьян, обязанные служить в ополчении фемы. За свою службу стратиоты получали от государства в наследственное владение земельные наделы.

(Тактика Льва, с. 271)

О РАЗЛИЧНЫХ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ НАЗИДАНИЯХ

47. Почитание Бога должно быть превыше всего остального. Особенно важно это почитание для тебя, стратиг, когда ты намереваешься ввергнуть себя в военные опасности: если ты почитаешь Бога с чистым сердцем, то в трудных обстоятельствах ты получишь право обратиться к Нему свои молитвы как к другу и надеяться на спасение, соответствующее твоей дерзости.

58. Мне кажется правильным, если причина войны будет законной. Тот, кто противостоит совершающим противозаконие, тот прав: в борьбе с людьми неправедными он имеет праведную помощь и поддержку Бога. А тот, кто первым прибегает к несправедливости, тот в силу этой же Божественной справедливости отвращается от победы.

77. Во время войны следует обращаться к Богу молитвы, взывать к Его помощи, просить не оставлять нас в предстоящих борениях и не пренебрегать нами в делах, идущих нам на пользу. Волею Бога движутся наши руки; Он один способен побудить нас к действию. Никогда не попадет в цель стрелок, если он не метнет стрелу; никогда не одолеет врагов тот, кто побежит, а не будет твердо оставаться на своем месте; никогда не достигнет успеха тот, кто вообще не приступит к делу. Поэтому нужно молить Бога даровать нам победу в войне, но одновременно с этим хорошо действовать оружием, то есть призывать Бога в союзники, при этом достойно сражаясь.

(Тактика Льва, с. 313–315)

ЭПИЛОГ

1. В качестве краткого итога всего того, что нами было сказано, мы соберем здесь самое главное и изложим твоему достоинству. На основании этого, как уже было сказано, ты и сам проявишь себя хорошим стратигом, и обеспечишь безопасную и беспечальную жизнь своим подчиненным.

2. И прежде, чем ты намереваешься что-либо говорить или делать, вручи себя власти Бога, и без мысли о Нем и без обращения к Нему не предпринимай ни слова, ни действия.

3. Ибо я верую в непреложную истину, что Бог есть начало всех начал: ведь Бог отец наш, творец и свидетель наших слов и дел, судья наших душевных раздумий и намерений, и не существует создания, недоступного Его взору. Все обнажено и распростерто перед Его глазами, чему свидетельством служит святейший Павел. И потому нам не следует действовать вопреки Его воле.

4. Мы состоим в таком же родстве и такой же связи с Ним, какие существуют у детей в отношении отца. Ибо благодаря Ему мы восходим к свету и жизни, и через Его посредство нам суждено и жить, и умереть. Его щедротами мы питаемся, Им мы живем, движемся и существуем. Мы повинемся Ему так, как повинуются простолюдины архонту, рабы – доброму господину, архонты – царю. Все под Ним, тогда как Его власть над всеми. Мы все во власти Его – и все живое, и все неживое; мы все служим Ему. И как все бессловесные твари следуют за нами подобно стаду, ведомому заботливым пастухом, так мы ходим под Богом – нашим добрым пастырем, благодаря которому мы исполняемся любовью к ближнему.

5. И никто никогда не усомнится в существовании Бога, если он не задастся целью умертвить свою душу. Все вокруг есть Бог – вот почему Он не возник из небытия; Он все наполняет, все осуществляет, все предвидит и всем управляет.

6. Доказательством этой истины служит все то, что сотворено Им: небо и все что в нем, земля и все что на ней, а также море и все что в нем – все из этого, что приносит пользу, служит свидетельством заботы и попечения, проистекающих от Бога к нам.

7. Ведь Он сам наставляет царей, ибо сказано: «Мною цари царствуют» (Притч., VIII, 15). И стратиг предопределяется Им, и Он есть первоисточник всякой законной и сильной власти. Поэтому никто не должен принимать на себя власть, прежде чем молитвой и прошением, обращенными к Нему, он не освятит самого себя Божественным подобием и не вручит бразды своей власти Его промыслу.

8. Поэтому тебе, стратиг, следует прежде всего усердно и ревностно предаться служению Богу, которое воплощается в почитании и служении Его иереям и архиереям. Его святые храмы должны быть неприкосновенными, и те, кто укрылись в них, не могут быть схвачены без разрешения нашего царского величества.

9. Короче говоря, все то, что связано с Богом, следует оберегать в невредимости, почтении и уважении как все то, что отмечено Божественной святостью.

10. И никогда не следует поднимать против них оскверняющую и угнетающую руку, либо дерзать иным способом ни тебе самому, ни какой-то другой власти, находящейся в твоём подчинении или как-то иначе тебе вверенной, но оберегать их от любого вреда и зла, поскольку они принадлежат Богу.

11. Это касается в особенности архиереев – отцов и пастырей человеческих душ, как высших рангов, так и их подчиненных, посредников между нами и Богом: им следует оказывать всяческое почтение и уважение и не допускать никакой дерзости по отношению к ним.

12. Ведь все то, что рождается в них, восходит к Богу, от которого они получили свое архиерейство, а благодаря этому они предназначены быть пастырями душ и посредниками перед Богом. В свою очередь, владея всепроникающей и животворящей душой, иереи вверяют верховной власти Бога, царя всего сущего, и все тело христианского народа, включая и предводителей, и подчиненных, и Его волей вся система управления приводится в движение, направляется и изменяется.

13. Таким образом, пребывая в благочестии и истинной вере перед Богом и служителями Его, тебе следует соблюдать нерушимыми священные законы веры и законы царской власти, чтобы обеспечивать правосудие и справедливость в пределах своей земли.

14. Проявляй также постоянную заботу о военных делах и о боевом оружии, но не для того, чтобы ты совершал беззаконие, вступал в несправедливую войну или предпринимал какие-то грабительские и враждебные действия против тех, кто не проявил никакого вероломства, но для того, чтобы пребывая в благочестии, распространяя на врагов мир, который царит у тебя, ведя политику благочестивую и угодную Богу, вместе с тем держать оружие готовым к отпору вероломным врагам.

15. Ведь хорошо известно, что если ты свою жизнь будешь вести в благочестии, то сам Бог своей справедливостью станет твоим союзником.

16. Твое намерение не совершать беззаконие, но лишь отвечать на него, вручив Богу высшее военное руководство и предводительство, принесет тебе твердую уверенность, что справедливой войне уготован Богом благоприятный исход, тогда как несправедливой – противоположный результат.

17. Ибо то, что несправедливо, никогда не сможет вызвать несправедное решение со стороны Бога, и когда то, что несправедливо, вступает в борьбу с тем, что противостоит несправедливости, первое из них никогда не найдет победы у Бога: Бог – судья праведный, и все дела Он ведет по справедливости.

18. Итак, всем этим тебе следует руководствоваться при вооружении, обучении и осуществлении других обязанностей стратига.

(Тактика Льва, с. 340–343)

Никифор II Фока Стратегика

Авторство трактата принадлежит выдающемуся полководцу, с юных лет жившему походами и сражениями, императору Никифору II (правил в 963-966 гг.). Историк Лев Диякон оставил нам описание воина-монаха, строго соблюдавшего обеты целомудрия и воздержания. Именно при этом императоре Византия достигла наибольших военных успехов: состоялся фактически первый крестовый поход, увенчавшийся взятием Антиохии, был отвоеван у арабов о. Кипр. Показательны подробная практическая регламентация богослужебного окормления войска и строгие дисциплинарные требования к морально-нравственному состоянию воинов.

Следует же командиру люда заранее постановить стратигам, начальникам и остальной армии, чтобы в лагере, в котором все войско разместилось, во время славословия и в вечерних и в утренних гимнах священники армии совершали после исполнения гимнов усердные молитвы, а все войско люда восклицало «Господи помилуй!» вплоть до сотни раз со вниманием и страхом Божиим и со слезами, чтобы никто не отваживался в час молитвы заниматься каким-то трудом... Кто же будет найден в час произнесения усердной молитвы занимающимся какими-либо делами и посчитавшим все побочным, кто не встал и не воздал Богу свою молитву в страхе Божиим, оного с наказанием, остриженными волосами и достойной его процессией пусть понизят, опуская до незначительного чина.

Когда же неприятели приближаются, следует выдать решение, как и когда должно вести бой. И когда решение принято, то командир армии должен созвать и всех стратигов, и начальников, и весь их люд и поощрить, и определить им очиститься и поститься перед боем три дня, занимаясь сухоядением и кушая лишь однажды к вечеру. Однако пусть каждый выбросит из своей души соперничество друг с другом, и злопамятность, и ссоры. Точно так же и в остальных прегрешениях перед Богом каждый пусть дает обеты покаяния и чтобы он, позже отступив от них, не был захвачен этими же пороками, но жить ему в достойном существовании и покаянии. Когда и это также хорошо исполнено, за один день до боя следует священникам совершить бескровные жертвоприношения и, совершив обычную службу, удостоить все войско участия в божественных и незапятнанных таинствах. И потом так же смело и мужественно с верой и доверием к Богу отважиться отправиться на супостатов...

Не только превосходящей силы неприятелей нужно избегать, но и равной, пока сила и могущество Бога не пробудит и не укрепит своей крепкой и сильной рукой угнетенные сердца и дух нашего люда. И когда такое человеколюбие и милосердие Бога вследствие заступничества всепетой Богородицы будет тронuto, и когда Она в третий раз⁴⁸ присудит победные награды Ее люду, с этого времени, даже если враги имеют вдвое воинов против нашего люда, не следует им [нашим воинам] робеть и хорониться...

Когда неприятели приближаются, всему войску люда пристойна именно для христиан непреоборимая молитва; каждый из них пусть говорит: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь»; и таким образом пусть натиск производят на неприятелей... Пусть же дадут им условный сигнал либо рожком, либо другим музыкальным инструментом, чтобы, перестав идти, это же сказать им опять, ту же молитву: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь» и «Христиан нас приими, удостоивая постоять нас за веру и за братьев

⁴⁸ Имеется в виду, что к серьезным боям и генеральному сражению можно приступать только после не менее трех успешных небольших стычек с неприятелем (засады, внезапные нападения), которые вселяют в воинов уверенность в своих силах и привычку побеждать.

наших и побороться до смерти, укрепляя и усиливая души, сердца и все тело наше, о Боже, крепкий во бранях и в силе ни с кем не сравнимый, молитвами родившей ты Богородицы и всех святых. Аминь».

(Никифор II Фока. Стратегика, с. 30–31, 35, 38–39)

De velitatione bellica (О боевом сопровождении)

Отрывок из анонимного трактата X века (авторство которого рядом исследователей возводится к Никифору II Фоке) указывает, что забота о моральном духе войска лежит не только на полководце, но и на государстве и всем народе, ради которого воины жертвуют здоровьем и жизнью.

Употребляя, где нужно, воинские хитрости и предосторожности, производя нечаянные нападения, делая хорошие и благоразумные во время битвы распоряжения, ты воздвигнешь, с помощью Иисуса Христа, Бога нашего, великие трофеи победы над врагами.

Впрочем, не образовав и не устроив своего войска, не приучивши действовать оружием и переносить неприятности воинских подвигов и бедствий, не отвратив его от неги и лени, от пьянства, роскоши и других пороков, ты никак не можешь употребить с успехом военное искусство и опытность в приготовлениях к сражению. Поэтому воины должны всегда получать полные пайки и определенное жалованье, а сверх того награды и подарки, чтоб, не имея ни в чем нужды, они могли нажить хороших коней и завестись оружием, чтобы с душевной радостью и сердечным удовольствием подвергались опасности за благочестивых наших государей и за все христианское братство... Это обыкновение, узаконенное древними благочестивыми и блаженными нашими государями и написанное в их тактических книгах, издревле у нас было соблюдаемо.

Кроме этой свободы, они должны пользоваться приличным уважением, не должны быть в презрении и терпеть обиду. Стыжусь даже упоминать, что этих людей, не щадящих жизни своей за благоверных государей, за свободу и безопасность христиан, не имеют права бить презренные сборщики податей, не приносящие государству никакой пользы, притесняющие и изнуряющие бедных и, проливая кровь их, несправедливо приобретающие себе множество талантов золота. Этих защитников и хранителей христиан, ежедневно, так сказать, умирающих за благочестивых наших государей, областные судьи не имеют власти обижать, влечь, как невольников, сечь и обременять узами и цепями: по силе закона всякий военачальник должен управлять своим войском и быть его судьей...

Если войско получит то древнее состояние, данное благоверными нашими государями, если все обиды и злоупотребления, доводящие до бедности, будут от него удалены; то довольные и веселые воины будут ревностны к службе, благородны, отважны, для врагов неприступны и непобедимы. С таким войском благочестивые государи наши не только сохранят свои области, но и покорят весьма многие неприятельские владения.

*(Два византийских военных трактата конца X века,
с. 199-205)*

Кекавмен Стратегикон

Автор этого небольшого трактата XI века помимо интересных чисто житейских, практических советов оставил чрезвычайно нужное для военных наставление о пользе чтения исторической и назидательной литературы, содержащей массу убедительных примеров, которые с успехом могут быть использованы в воспитании войск.

Кекавмен не только не осуждает стремление сделать истинную военную карьеру, но прямо поощряет к этому читателей. Но строиться эта карьера должна исключительно на ревностном неусыпном труде. Здесь автор предваряет русскую пословицу: за Богом молитва, за Царем служба – не пропадают.

14. Беседуй со всеми и выслушивай речь каждого. И если говорящий тебе верное и умное слово – простой человек, не отсылай его. Может быть, Бог хочет его прославить и благословил на мудрое слово.

15. Не презирай противников за то, что они иноплеменники, ибо они разумны, как и ты, им также присущи природная мудрость и хитрость.

23. Будь кроток, обходителен и скромнен, но так, чтобы не оказаться из-за скромности в пренебрежении. Будь скромнен внутренне, а внешне, на людях держи себя с честью и достоинством. Старайся превосходить всех во всем: в разговоре, в одежде, в походке, в делах. Избегай не только молвить постыдное слово, но даже услышать его. Не старайся быть общительным, ибо не можешь оказаться и стратигом и мимом⁴⁹.

21. Когда ты свободен и не занят службой, читай книги, а также исторические труды и церковные сочинения. Не говори: «Какая польза воину от догматов и церковных книг?» – так как извлечешь великую пользу. Если ты будешь достаточно усерден, то усвоишь из них не только догматы и душеполезные рассказы, но и назидания, нравоучения и военные советы. Ведь почти весь Ветхий Завет – военная книга, да и в Новом Завете усердный человек пожнет немало назидательного. Таким я тебе велю быть, чтобы все дивились доблести твоей, и благоразумию, и познаниям и красноречию твоему. Если ты полюбишь и соблюдешь это, то будешь счастлив.

32. Стремись превзойти всех, чтобы добиться почета. А как это достигается? Не иначе, как рвением и бдениями. Я еще не видел до сих пор старательно и неусыпно действующего человека, который не достиг бы вершин успеха, так как служба не бывает напрасной. Впрочем, не все идут прямой дорогой, но отклоняются для несправедливости... Знай, что на таких смотрели как на самоубийц. Они не только приняли постыдную смерть, но примут кару и от грядущего суда.

(Советы и рассказы Кекавмена, с. 140–189)

⁴⁹ Мим – комедийный актер народного театра, лицедей.

Византийский Суворов

Величайший византийский полководец Велизарий (504-565 гг.), сокрушивший варварские королевства вандалов и готов, удостоенный от императора Юстиниана I (правил в 527-565 гг.) первого за время существования Восточной Римской империи триумфа, был в жизни очень честным, мягким и скромным человеком. В нем словно воплотились все те качества, которые авторы военных трактатов требовали от стратига. Недаром А. В. Суворов, по воспоминаниям его историографа Е. Б. Фукса, «сим именем (т. е. Велизария. – сост.) называл иногда себя».

Велизарий прибыл в Византию⁵⁰ вместе с Витигисом⁵¹, везя все сокровища. С удовольствием увидел император Юстиниан Витигиса и его жену своими пленниками и удивлялся толпе варваров, их физической красоте и огромному росту. Приняв замечательные сокровища в Палатин (императорский дворец. – сост.), он разрешил сенаторам секретно их осмотреть, завидуя огромности совершенных Велизарием подвигов.

Он не выставил их на показ народу и не дал Велизария триумфа, подобно тому, как это сделал он для него, когда Велизарий вернулся с победой над Гелимером⁵² и вандалами.

Однако имя Велизария было на устах у всех: ведь он одержал две такие победы, каких раньше ни одному человеку никогда не удавалось одержать, привел в Византию с боем взятые корабли, двух пленных царей и вновь вернул римскому государству богатства, отобраченные им у врагов, в столь короткое время возвратив под власть империи почти половину земель и моря. Для византийцев было величайшим удовольствием видеть каждый день, как Велизарий выходил из своего дома, идя на площадь, или возвращался назад, и им никогда не надоедало смотреть на него. Его выходы были похожи на блестящие триумфальные шествия.

Он был красив и высок ростом и превосходил всех благородством выражения лица. И со всеми он был настолько мягок и доступен, что был подобен человеку очень бедному и незнатному. Любовь к нему как к начальнику со стороны воинов и земледельцев была непреодолима. Дело в том, что по отношению к воинам он больше, чем кто-либо другой, был щедрым. Если кто из воинов в стычке подвергся какому-либо несчастию, будучи ранен, то он прежде всего успокаивал его мучения, вызванные раной, крупными суммами денежных подарков, а наиболее отличившимися подвигами он позволял иметь как почетные отличия браслеты и ожерелья; если же воин терял в сражении или коня, или лук, или другое какое оружие, то он тотчас же получал от Велизария другое.

Земледельцы любили его за то, что он настолько бережно и заботливо относился к ним, что под его командованием они не испытывали никакого насилия; напротив, все те, в стране которых он находился со своим войском, обычно богатели сверх меры, так как все, что продавалось ими, он у них брал по той цене, какую они спрашивали. И когда созревал хлеб, он очень заботливо принимал меры, чтобы проходящая конница не причинила кому-нибудь убытка. Когда на деревьях висели уже зрелые плоды, он строго запрещал кому бы то ни было касаться их.

Ко всему этому он отличался замечательной сдержанностью: он не касался никакой другой женщины, кроме своей жены. Взяв в плен такое огромное количество женщин из племени вандалов и готов, столь выдающихся красотой, что более прекрасных никто на свете

⁵⁰ Эпизод, описанный историком Прокопием Кесарийским, сопровождавшим Велизария в походах, относится к 540 году.

⁵¹ Пленный Велизарием в Италии король остготов (правил в 536-540 гг.).

⁵² Пленный Велизарием в Северной Африке король вандалов (правил в 530-534 гг.).

не видал, он никому из них не позволял явиться себе на глаза или встретиться с ним каким-либо другим образом. Во всех делах он был исключительно прозорлив, но особенно в затруднительных положениях он лучше всех других умел найти наиболее благоприятный выход. В опасных условиях военных действий он соединял энергию с осторожностью, огромную смелость с благоразумием, и в операциях, предпринятых против врагов, он был то стремителен, то медлителен в зависимости от того, чего требовали обстоятельства.

Помимо всего этого, в самых тяжелых случаях он никогда не терял надежды на удачу и никогда не поддавался панике; при счастье он не кичился и не распускался; так, пьяным никто никогда не видел Велизария. Все время, когда он стоял во главе римского войска в Ливии и в Италии, он всегда побеждал, захватывая и овладевая всем, что ему попадалось навстречу. Когда он прибыл в Византию, вызванный императором, его заслуги стали понятны еще больше, чем прежде.

Сам он, выдаваясь высокими духовными качествами и превосходя бывших когда-либо военачальников как огромными богатствами, так и силами своей щитоносной охраны и копьеносных телохранителей, стал, естественно, страшен для всех – и властвующих, и воинов. Думаю, никто не осмеливался противоречить его приказаниям и совершенно не считал недостойным себя со всем рвением выполнять то, что он приказывал, уважая его высокие душевные достоинства и боясь его могущества. Таким образом, Велизарий, могущественный, как сказано, и по своему политическому значению, и по таланту, всегда имел в виду то, что может принести пользу императору, и то, что он решил, он всегда выполнял самостоятельно.

(Прокопий Кесарийский. Война с готами. Кн. 3, 1)

Уроки Велизария

Несколько эпизодов из боевой жизни византийского полководца могут многому научить современных воинов.

Соблюдай меру во всем

Даже самые благие намерения должны поверяться рассуждением – вот о чем говорят тяжелые потери, которые византийцы понесли в битве при Каллинике (531 г.). Фланговым движением против вторгшейся на территорию византийской Сирии армии персов Велизарий вынудил их к поспешному отступлению. Искусно выстраивая «золотой мост» бегущему неприятелю, в то время еще совсем молодой полководец не смог, однако, переломить настроения собственного войска, жаждавшего боя и военной добычи. Надо полагать, не в последнюю очередь воодушевляла ромеев близость Пасхи и связанная с ним надежда на помощь Божию. Но нехватку физических сил не смогло компенсировать никакое рвение, на деле обернувшееся опасным пренебрежением к противнику. В итоге только мужество полководца и его личной дружины спасло положение.

Римское войско насчитывало приблизительно двадцать тысяч пеших и конных... Узнав об этом, Аламундар и Азарет (персидские военачальники. – *сост.*), напуганные опасностью, больше уже не двигались вперед, но решили тотчас же удалиться домой. Они двинулись назад, а римское войско следовало за ними по пятам. Велисарий сознательно не позволял войску нигде делать более длинные переходы, поскольку он не хотел вступать с врагами в открытый бой; ему казалось вполне достаточным, что персы, вторгшись в римские земли, теперь так отсюда отступают и возвращаются домой без намека на успех. За все это и военачальники, и солдаты тайком поносили его, однако никто не осмеливался порицать его в лицо.

Наконец персы переночевали на берегу Евфрата в том месте, которое находится против города Каллиника, расположенного на противоположном берегу реки. Отсюда они собирались двинуться по безлюдной земле и таким образом покинуть пределы римлян. Они уже больше не думали идти, как раньше, вдоль берега реки. Римляне застали врагов уже готовящимися к уходу.

На следующий день <19 апреля 531 г.> приходилось празднование Пасхи; этот праздник христиане чтут выше всякого другого. Обычно они проводят в воздержании от еды и питья не только весь предшествующий этому празднику день, но и до глубокой ночи соблюдают пост.

Велисарий, видя, что все стремятся напасть на врага и, желая удержать их от этого намерения, собрав всех, кто там был, сказал следующее: «Куда вы стремитесь, римляне, ради чего хотите вы подвергнуться совершенно ненужной опасности? Обычно люди только ту победу считают подлинной, когда они не испытывают никакого вреда от неприятеля. В данном случае победу даровали нам судьба и страх, наведенный нами на неприятельское войско. А разве не лучше пользоваться настоящим счастьем, чем искать его, когда оно миновало? Воодушевленные огромными надеждами, персы предприняли поход против римлян, теперь они бегут, обманутые во всех своих ожиданиях. Если мы заставим их против их воли отказаться от своего решения отступать и вынудим вступить с нами в бой, то, одержав победу над ними, мы не получим никакой выгоды: к чему обращать в бегство бегущего? Если же потерпим неудачу, тогда уже точно мы лишимся настоящей победы, которую не враги похитят у нас, а мы сами отдадим. Тем самым мы в дальнейшем предоставим им свободу вступать на землю нашего василевса, оставшуюся без всякой защиты. Нельзя забывать и того, что Бог

помогает людям в тех опасностях, которым им по необходимости приходится подвергаться, а не в тех, на которые они пошли добровольно. Кроме того, помните, что тем, кому некуда отступать, против воли приходится становиться храбрецами. У нас же, напротив, серьезные препятствия к битве. Многие из наших воинов идут пешими, мы все истощены постом, не говоря уже о том, что часть войска еще не подошла». Так сказал Велисарий.

Но воины оскорбляли его уже не про себя и не тайком, но с шумом подступая к нему, называли его в лицо трусом и губителем их решительности, даже некоторые из военачальников разделяли с солдатами это заблуждение, желая подобным образом показать свою отвагу.

Пораженный их бесстыдной дерзостью, Велисарий, изменив свои речи, стал делать вид, что он сам побуждает идти против врагов, и начал устанавливать войско в боевой порядок; он говорил, что не знал раньше об их стремлении вступить в бой с врагом, теперь же у него самого больше смелости, и он идет на неприятеля с большой надеждой на счастливый исход. Он выстроил фалангу в одну линию и расположил ее следующим образом: на левом крыле к реке он поставил всю пехоту, на правом, где местность была покатой, он поставил сарацин⁵³. Сам же он с конницей стал в центре. Так были выстроены римляне.

Азарет выстроил свою фалангу против неприятеля: персы занимали правый фланг, сарацины – левый. Тотчас и та, и другая сторона вступила в ожесточенный бой. Битва была жаркая. И с той, и с другой стороны летели частые стрелы, в тех, и других рядах оказалось много убитых. Некоторые воины, выступив в пространство между двумя войсками, совершали подвиги, достойные их доблести.

Миновала большая часть дня, а исход сражения был еще неясен. Тогда самые лучшие из персидского войска, сговорившись между собой, бросились на правое крыло римлян, где стояли сарацины. Те, нарушив фалангу, оказались отрезанными от римского войска, и можно предположить, что они предали римлян персам. Не оказав сопротивления нападающим, все они тотчас обратились в бегство. Персы, прорвав таким образом ряды противников, тут же напали с тыла на римскую конницу. Усталые от дороги и трудов битвы, истощенные постом, теснимые врагами с обеих сторон, римские всадники более уже не могли сопротивляться, многие из них стремглав бросились бежать к находившимся поблизости речным островам. Однако некоторые, оставшись на поле битвы, совершили в борьбе с врагами удивительные и достойные великой славы подвиги... Пали восемьсот человек, отличившиеся в этом бою, а также почти все исавры⁵⁴ со своими предводителями, не отважившиеся даже поднять оружие против врагов. Ибо они были совершенно неопытны в военном деле, потому что совсем недавно отнятые от земледельческих работ, они впервые подверглись опасностям войны, прежде им совершенно неизвестным. А ведь именно они не столь давно больше всех, по своему невежеству в военном деле, стремились к битве и поносили тогда Велисария за трусость.

Велисарий с немногими остался на своем месте и сам с имеющимися силами отражал врагов... Тут он соскочил с коня и приказал сделать то же самое всему отряду и пешими вместе с остальными отражать нападавших на них врагов. Те персы, которые преследовали бегущих, после непродолжительного преследования быстро вернулись назад и вместе с другими устремились на пехоту и Велисария. Те же повернулись спиной к реке, чтобы враги не могли их окружить, и, насколько было возможно при подобных обстоятельствах, отражали нападающих. Вновь начался жаркий бой, хотя силы сражавшихся были неравны. Ибо пехотинцы, притом в весьма незначительном количестве, сражались со всей персидской конницей. И все же враги не могли ни обратить их в бегство, ни пересилить как-то иначе.

⁵³ В битве участвовали арабские войска династии Гассанидов (на стороне византийцев) и Лахмидов (на стороне персов).

⁵⁴ Исавры – считавшееся воинственным племя, населявшее гористые области юга Малой Азии. В данном случае историк подчеркивает, что исавры в войске Велизария не были должным образом обучены военному делу.

Так обе стороны провели весь этот день, пока не наступил поздний вечер. С наступлением ночи персы удалились в свой лагерь, а Велисарий, достав перевозочное судно, с немногими из своих людей переправился на остров, куда вплавь добрались и другие римляне. На следующий день римляне, получив много перевозочных судов, добрались туда, а персы вернулись домой, ограбив трупы убитых, в числе которых они нашли своих не меньше, чем римлян.

(Прокопий Кесарийский. Войны с персами. Кн. 1, XVII–XVIII)

«Храбрость без справедливости победить не может»

Сражение при Каллинике научило Велизария, что полководцу ни в коем случае нельзя идти на поводу собственного войска. Корыстолюбцы, пьяницы, хищники, грабители во все времена не могли считаться надежными товарищами и не были терпимы в рядах войска, одушевленного благородной жаждой подвига, спаянного строгой дисциплиной на пути к победе. Именно поэтому в начале знаменитого своего похода (533 г.) против королевства вандалов полководец не остановился перед самыми суровыми наказаниями, чтобы искоренить всякую распущенность в войске и гарантировать от насилия по отношению к мирному населению. Последнее имело следствием, что попытка вандалов развернуть партизанскую войну против византийцев после поражения в открытом бою, провалилась.

Необходимо отметить, что на категории справедливости, как отражения в земной жизни Божественного закона, зиждилось все мировоззрение византийцев. Справедливые поступки трактовались ими как исполнение Божией воли и залог помощи Божией в воинских трудах.

Шел уже седьмой год⁵⁵ единодержавного правления василевса Юстиниана, когда он повелел кораблю стратига пристать к берегу там, где находится царский дворец. Сюда прибыл архиерей города Епифаний⁵⁶, прочтя, как полагается, молитвы. Так отплыл военачальник Велисарий.

Весь флот следовал за кораблем главнокомандующего. Отплыв отсюда, они пристали к Авидосу⁵⁷. В то время как им пришлось пробыть здесь четыре дня из-за отсутствия ветра, произошел следующий случай. Два массагета в состоянии крайнего опьянения убили одного из своих товарищей, посмеявшегося над ними. Велисарий тотчас обоих этих воинов посадил на кол на холме, находившемся недалеко от Авидоса.

Когда остальные, в том числе и родственники казненных, выражали крайнее недовольство и говорили, что они пришли на помощь римлянам не для того, чтобы подвергаться наказаниям и подчиняться римским законам (по их законам за убийство полагается иное отмщение), а вместе с ними подняли шум, обвиняя своего предводителя, и римские солдаты, которым не хотелось нести ответственность за свои проступки, Велисарий, собрав массагетов и все остальное войско, сказал следующее:

«Если бы моя речь была обращена к тем, кто в первый раз идет на войну, долго мне пришлось бы говорить, сколько пользы помощи оказывает справедливость в одержании победы над врагом. Только те, кому не известны превратности судьбы в подобной борьбе, могут думать, что весь исход войны зависит от силы их рук. Вы же, которые не раз одерживали

⁵⁵ Т.е. около 21-22 июня 533 г.

⁵⁶ Патриарх Константинополя Епифаний (занимал кафедру в 520-535 гг.).

⁵⁷ Авидос (Абидос) – город на берегу Геллеспонта (Дарданелл).

победы над врагами, нисколько не уступавшими вам в силе и обладавшими огромной храбростью, вы, которые часто подвергались испытаниям в столкновениях с противниками, вы, думаю, хорошо знаете, что люди только сражаются, а судьбу сражений решает Бог, дающий силу тому или другому сопернику. Итак, при таком положении дел хорошее состояние тела, умение пользоваться оружием и всякие другие меры предосторожности на войне надо считать значительно менее важными, чем справедливость и выполнение своего долга перед Богом. То, что может оказать помощь нуждающимся, должно, конечно, быть особенно чтимым. Первым же доказательством справедливости является наказание убивших несправедливо. Если необходимо судить о том, что справедливо и что несправедливо, и исходить при этом из поступков по отношению к ближним, то для человека нет ничего дороже жизни. И если какой-либо варвар считает, что он заслуживает прощения за то, что он в пьяном виде убил ближнего, то тем, что он пытается оправдать свою вину, он, конечно, еще более усиливает необходимость признать его виновность. Ведь и вообще напиваться пьяным настолько, чтобы недолго думая убивать близких, нехорошо, а тем более в походе, ибо и самое пьянство, даже если оно не соединено с убийством, заслуживает наказания; обида же, нанесенная сородичу, в глазах всех, кто обладает разумом, заслуживает гораздо большего наказания, чем обида постороннему. Вот вам пример, и вы можете видеть, каков результат таких поступков. Нельзя беззаконно давать волю рукам, похищать чужое имущество: я не буду смотреть на это снисходительно и не буду считать своим товарищем по боевой жизни того из вас, кто, будь он страшен врагу, не может действовать против своего соперника чистыми руками. Одна храбрость без справедливости победить не может». Так сказал Велисарий.

Все войско, услышав такие слова и видя перед глазами посаженных на кол, пришло в невыразимый страх и решило дальше жить благопристойно, понимая, что не избежать большой опасности, если они будут уличены в совершении какого-либо беззакония.

...Когда некоторые солдаты отправились вглубь страны на поля и стали собирать зрелые плоды, стратиг подверг их серьезному телесному наказанию и, собрав войско, сказал следующее: «Производить насилие и кормиться за чужой счет даже при других обстоятельствах считается дурным поступком, поскольку в этом заключено нечто несправедливое. Теперь же в вашем поступке заключается столько вреда, что мы, оставив разговоры о справедливости, как это ни горько, должны подумать о той огромной опасности для нас, которая возникла из-за вашего поступка. Я высадил вас на эту землю, полагаясь только на то, что ливийцы, бывшие прежде римлянами, не чувствуют преданности к вандалам и с тяжелым чувством выносят их гнет, и поэтому я думал, что у нас не будет недостатка ни в чем необходимом и что враги внезапным нападением не причинят нам никакого вреда. Теперь, однако, недостаток выдержки у вас все изменил, ибо вы примирили ливийцев с вандалами и на самих себя уже навлекли неприязнь, которую они питали к вандалам. В силу природного чувства обиженные питают вражду к насильникам, а вы за несколько серебряных монет променяли и собственную безопасность, и обилие благ, хотя могли, купив все необходимое у хозяев с их полного согласия, не выглядеть в их глазах несправедливыми и в полной мере пользоваться их дружбой. Теперь же у вас будет война и с вандалами, и с ливийцами, скажу даже, и с самим Богом, которого уже никто, совершивший беззаконие, не сможет призывать на помощь. Перестаньте же бросаться на чужое, оттолкните от себя исполненные опасности мысли о наживе. Как раз сейчас наступило время, когда сдержанность может спасти, а распущенность приведет к смерти. Если вы будете заботиться об этом, то и Бог будет милостив к вам, и народ Ливии будет к вам расположен, и племя вандалов окажется доступным вашим нападениям». С этими словами Велисарий распустил собрание...

Велисарий держал своих солдат в разумной строгости, так что они не давали воли рукам и не поступали грубо; сам же он, проявляя мягкость в обращении и человеколюбие, настолько привлек на свою сторону ливийцев, что впредь шел по их стране как по своей

собственной: жители этих мест не прятались от войска и не стремились что-нибудь скрыть, но охотно продавали продукты и оказывали солдатам всякого рода услуги.

(Проконий Кесарийский. Война с вандалами. Кн. I, XII, XVI)

Жертвует только любовь

Если бы Велизарий был только тверд в управлении армией, он никогда бы не совершил подвигов, оставивших по себе намять в веках. Важнее, что он смог внушить высокими душевными качествами искреннюю любовь к себе своим воинам, которые с готовностью жертвовали жизнью, когда их вождю грозила опасность. Эпизод войны, которую Велизарий вел с готами в Италии (536-540 гг.) показывает, что одна дисциплинарная строгость не сможет воспитать победоносного войска. Только взаимная товарищеская любовь начальников и подчиненных способна высвободить огромные резервы человеческого духа, ибо победа заключается не в простом физическом уничтожении противника (которое никогда не бывает полным), но прежде всего в преодолении его воли и духа, заставляющем признать превосходство победителя и питающем отказ от продолжения борьбы.

Велизарий, взяв с собой тысячу всадников, отправился к мосту на реке⁵⁸, с тем чтобы выбрать место, где им лучше всего будет стать лагерем. Когда они были близко, они встретились с неприятелями, уже перешедшими реку, и против воли принуждены были вступить в бой с некоторыми из них. И с той и с другой стороны шел конный бой. Тут Велизарий, хотя вначале и старался держаться в безопасном месте, не смог устоять там, где следует находиться военачальнику, и стал сражаться в первых рядах, как простой воин. И из-за него в этот день все дело римлян подверглось величайшей опасности, так как вся тяжесть войны лежала на нем одном.

В этот день Велизарий был на коне, очень привычном к бою и знающем, как спасать сидящего на нем всадника. В него и в Велизария большинство из готов старалось попасть и дротиками и другими метательными орудиями по следующему основанию. Перебежчики, которые накануне перешли на сторону готов, увидав Велизария сражающимся в первых рядах и понимая, что если он погибнет, то тотчас же и у римлян погибнет все дело, стали кричать, приказывая стараться попасть в пегого коня. Отсюда это слово разнеслось по всему войску готов, причем, как бывает при большом смятении, меньше всего старались расспрашивать, в чем дело, и даже многим было совсем неизвестно, что это Велизарий. Однако полагая, что не случайно поднялся такой приказ и переходит от одного к другому, оставив всех остальных, большинство стало бросать копья в одного Велизария. Равным образом те из готов, которые отличались доблестью, охваченные великим честолюбием, старались пробраться к нему возможно ближе, чтобы схватиться с ним в рукопашном бою, и, охваченные сильным гневом, поражали его и копьями и мечами.

Сам Велизарий всех тех, которые выступали против него, убивал одного за другим. В такой опасный момент особенно ярко проявилась любовь к нему его копьеносцев и щитеносцев: все, окружив его, проявили такую доблесть, какой, думаю, до этого дня не проявлялось ни к какому иному человеку. Выдвинув свои щиты перед военачальником и его конем, они принимали все стрелы на себя и отражали нападавших, отталкивая их от Велизария. Так вся эта схватка была направлена на одного человека. В этом тяжелом столкновении из числа готов пало не меньше тысячи человек, и при этом все это были люди, сражавшиеся в первых рядах; пали многие лучшие из близких к Велизария, в том числе его телохранитель,

⁵⁸ Река Тибр в окрестностях Рима.

совершивший много славных дел против врагов. Велизария же в этот день выпала такая счастливая судьба, что он не был ранен и не был даже поражен стрелой, хотя вся битва была направлена на него одного.

(Прокопий. Война с готами. Кн. 1, 18)

Проявляй великодушие к побежденным

Любая война когда-нибудь кончается. Тогда вчерашние противники вспоминают, что они люди, которые должны все же как-то ужиться друг с другом. И чем меньше крови пролито, тем проще и безболезненнее протекает процесс возвращения к мирной жизни. Тем прочнее мир и долговременнее добрососедские отношения. Тем меньше пострадавших от посттравматического синдрома в рядах победителей и побежденных, которые сеют плеве-лы ненависти, гнева, осуждения и раздражения среди соотечественников подчас спустя годы и десятилетия после окончания войны. Милосердие Велизария к жителям Неаполя, взятого штурмом в 536 г., имело целью вдобавок продемонстрировать побежденным величие духа победителей, убедить их, что они достойны властвовать над народами, потому как способны властвовать прежде всего над собой.

Когда все уже было в полном порядке, у Велизария явилась мысль, что если войско проникнет в Неаполь с боем, то и людям придется погибнуть и, кроме того, случится все остальное, что обычно бывает с городом, взятым врагами. Тотчас, послав за Стефаном⁵⁹, он сказал ему следующее: «Часто видел я взятые города и по опыту знаю, что там происходит: всех способных к войне мужчин убивают, женщин же, которые сами просят о смерти, не считают нужным убивать, но подвергают их насилию и заставляют переносить всякие ужасы, достойные всяческого сожаления. Дети, лишённые пропитания и свободного воспитания, должны в силу необходимости становиться рабами и при этом рабами людей, самых для них ненавистных, руки которых они видели обгаженными кровью своих родителей. Я не говорю уже, дорогой Стефан, о пожаре, которым уничтожаются все богатства, весь блеск и красота города. То, что испытали раньше взятые города, это, я как в зеркале вижу, придется испытать и Неаполю. И я скорблю и за город и за вас самих. Против него мною сделаны такие приготовления, что он не может быть не взят. Я вовсе не радовался бы, если бы такая судьба постигла древний город, искони имевший жителями христиан и римлян, особенно когда я являюсь главным начальником римлян: ведь у меня в лагере много варваров, потерявших убитыми у этих стен своих братьев и родственников; если бы они взяли город с боем, я не был бы в состоянии сдержать их гнев. Поэтому, пока в вашей власти выбрать и сделать то, что будет для вас лучше, примите более благоразумное решение и постарайтесь избежать несчастья. Если же оно вас постигнет, как этого надо ожидать, то по всей справедливости обвиняйте не вашу судьбу, но собственную волю». С такими словами Велизарий отпустил Стефана. Стефан выступил перед неаполитанским народом, обливаясь слезами, и с плачем и стенаниями он сообщил им все, что услышал из уст Велизария. Но, видимо, не суждено было неаполитанцам стать подданными императора, не испытав жестокого наказания: неаполитанцы не испугались и не высказали желания сдаться Велизария.

...Неаполь был взят с боем. Тут произошло страшное избиение. Все, охваченные гневом, особенно те, у которых брату или родственнику суждено было погибнуть в битве под стенами, избивали всякого попадавшегося им навстречу, не щадя возраста; врываясь в дома, они обращали в рабство детей и женщин, грабили; особенно отличались массагеты, которые

⁵⁹ Неаполитанец, игравший роль посла в переговорах между Велизарием и гражданами Неаполя.

не чтили даже храмов и многих бежавших туда захватили в плен, пока Велизарий, повсюду проходя, не запретил таких насилий и, созвав всех, не произнес следующей речи: «Так как Бог дал нам стать победителями и достигнуть столь великой славы, отдав в наши руки город, который до сих пор считался неприступным, то и нам необходимо не быть недостойными такой милости, но человеколюбивым отношением к побежденным показать себя по справедливости одолевшими их. Не проявляйте к неаполитанцам бесконечной ненависти и вражду к ним не продолжайте за пределы войны. Ведь никто из победителей не продолжает ненавидеть побежденных. Убивая их, вы не освобождаетесь на будущее время от неприятелей, но будете наказывать смертью своих же подданных. Поэтому дальше не делайте этим людям зла и не давайте своему гневу полной свободы. Ведь позорно оказаться победителями своих врагов и явно быть слабее своего гнева. Все их богатства да будут вам наградой за вашу доблесть, но жены с детьми да будут возвращены их мужьям. Пусть побежденные поймут на самом деле, каких друзей лишились они по своему неразумию».

Сказав это, Велизарий отдал неаполитанцам женщин и детей и всех остальных пленных, не испытывавших никакого насилия, и примирил с ними своих воинов. Так пришлось неаполитанцам в один этот день сделаться пленниками и вновь получить свободу.

(Прокопий. Война с готами. Кн. 1, 9-10)

Уважай подчиненных

Направленный императором в 541 г. против персидского царя Хосрова, увенчанный лаврами громких побед Велизарий тем не менее начал с того, что предложил высказаться на военном совете своим не столь известным соратникам. Византийский полководец в отличие от Александра Македонского и Юлия Цезаря не столько ставил целью эмоционально «заразить» командиров, превратив в проводников своего гения в массах воинов, сколько стремился воспитать их как сознательных соратников главнокомандующего. Это характерная черта христианского мировоззрения византийских военачальников, отнюдь не стремившихся к обожествлению собственной личности, чем неизбежно заканчивали величайшие полководцы античности.

Замечательны слова Велизария о том, что воин должен действовать, имея в виду принести как можно больше действительной пользы делу, не прикрываясь фиговым листком приказа старшего начальника, в опасении возможной ответственности. Нет лучше способа открыть неисчерпаемый источник личной инициативы подчиненных, чем выказать им уважение и доверие.

Велисарий, прибывший в Месопотамию, стал отовсюду собирать войско, а сам послал кое-кого в персидские пределы на разведку. Желая здесь отразить врагов, если они вновь вторгнутся в землю римлян, он приводил в порядок и обмундировывал своих солдат, бывших по большей части голыми и невооруженными и приходивших в ужас при одном имени персов. Возвратившись назад, лазутчики утверждали, что никакого вторжения врагов в настоящее время не будет. Хосров⁶⁰, занятый войной с гуннами, пребывает где-то в другом месте. Услышав об этом, Велисарий решил тотчас со всем войском вторгнуться во вражескую землю. Василевс между тем, написав послание, велел им как можно быстрее вторгнуться в землю врагов.

Собрав всех военачальников, Велисарий сказал следующее: «Я знаю, что все вы, соратники, испытаны во многих войнах, и собрал я вас сюда не для того, чтобы, напомнив об этом

⁶⁰ Хосров I – шахиншах, правивший с 531 по 579 гг. При нем государство Сасанидов достигло наивысшего могущества.

или сказав слова поощрения, устремить ваш дух против врагов (думаю, что вы не нуждаетесь в словах, побуждающих к отваге), но чтобы, посоветовавшись между собой, мы скорее бы решили, что, по нашему мнению, лучше и выгоднее для дел василевса. Война обычно идет успешно, в первую очередь, благодаря рассудительности. Необходимо, чтобы те, кто держит совет, были в своем суждении совершенно свободны от страха и почтительности. Ибо страх, поражая тех, кого он охватил, не дает возможности разуму выбрать лучшее решение, почтительность же, скрывая то, что показалось лучшим, ведет к высказыванию противоположного мнения. Поэтому, если вам кажется, что великий царь или я уже приняли решение относительно настоящих дел, то пусть ничто подобное не приходит вам на ум. Ибо он, находясь далеко от происходящих событий, не в состоянии согласовать дела с обстоятельствами. Поэтому нет ничего страшного, если, пойдя против его решения, мы сделаем то, что окажется полезным его делу. Я же лишь человек, и, прибыв сюда из западных стран после долгого отсутствия, могу не заметить чего-нибудь важного. Так что следует вам, не опасаясь ничуть моего мнения, прямо сказать то, что принесло бы пользу и нам самим, и василевсу. Вначале мы прибыли сюда, соратники, чтобы помешать совершиться какому-либо вражескому вторжению в наши земли. Теперь же, поскольку наши дела оказались лучше, чем мы надеялись, можно нам посоветоваться относительно вторжения в их землю. Поэтому будет справедливо, я думаю, чтобы, собравшись для этого, каждый сказал бы, ничего не утаивая, что ему кажется лучшим и выгодным». Так сказал Велисарий.

(Проконий. Война с персами. Кн. 2, XVI)

Прямодушие – спутник мужества

Мужество полководца проявляется не только на поле боя. Едва ли не труднее для человека, привыкшего к открытой схватке, противостоять прямым, честным словом трусливой интриге, гнездящейся в чертогах власти. Тот, кто оказывается способным на это, один стоит целого войска, внушая не только страх, но и уважение врагу, заставляя его подозревать неведомые замыслы и расчеты в простой решимости выполнить свой долг до конца.

Когда, воспользовавшись тем, что войска империи были заняты борьбой с готами в Италии, персидский царь Хосров I в очередной раз вторгся в 542 г. в Сирию, только огромный моральный авторитет Велизария и его «малой дружины», который не могли не признать даже его противники, спас положение.

...Хосров вознамерился вести войско прямо в Палестину, чтобы разграбить все тамошние сокровища, особенно же те, которые имелись в Иерусалиме. До него доходили слухи, что страна эта исключительно плодородна, а у жителей ее много золота. Все же римляне, как военачальники, так и солдаты, совершенно не думали выступать против него или оказывать препятствие его походу, но, заняв, где кто мог, укрепленные места, считали, что достаточно охранять их и спастись самим.

Узнав о нашествии персов, василевс Юстиниан вновь послал против них Велисария. Двоюродный же брат василевса Юст, спасшись бегством, находился в Иераполе. Услышав, что Велисарий едет к ним и находится уже неподалеку, он написал ему письмо, которое гласило следующее: «Опять, как ты и сам, наверное, знаешь, Хосров двинулся походом на римлян, ведя с собой войско больше прежнего. Куда он задумал идти, пока еще неясно. Мы лишь слышали, что он где-то поблизости и что он не причинил вреда ни одному местечку, но все время продвигается вперед. Приходи к нам как можно скорее, если только ты в состоянии скрыть свой путь от вражеского войска, с тем, чтобы ты на пользу василевсу был цел и невредим и вместе с нами охранял бы Иераполь». Так гласило письмо.

Велисарий не одобрил того, что было написано. Он прибыл в местечко Европ, расположенное на реке Евфрат. Разослав оттуда во все стороны гонцов, он начал собирать войско, разбив здесь свой лагерь. Военачальникам же Иераполя он ответил следующее: «Если бы Хосров двинулся на других, а не на подданных римлян, то ваш план был бы удачным и в высшей степени обеспечивающим безопасность. Ибо для того, кто может, оставаясь в покое, быть избавленным от бед, было бы большим безумием идти навстречу ненужной опасности. Но если теперь этот варвар, уйдя отсюда, решится напасть на какую-нибудь другую, подвластную василевсу Юстиниану область, причем дивно цветущую, но не имеющую никакой военной охраны, то знайте, что в таком случае лучше всего доблестно погибнуть в бою, чем уцелеть без боя. Ибо это справедливо бы было назвать не спасением, а предательством. Приходите как можно скорее в Европ, где я, собрав все войско, надеюсь поступить с врагами так, как Бог даст». Когда военачальники увидели доставленное послание, они воодушевились и, оставив Юста с немногими солдатами охранять Иераполь, все остальные вместе со всем войском явились в Европ.

Хосров, узнав, что Велисарий со всем римским войском расположился лагерем в Европе, больше уже не решался идти дальше, но послал к Велисариию одного из царских секретарей, снискавшего за свой разум большую славу, с тем, чтобы он выведал, что представляет собой этот полководец... Явившись к Хосрову, тот дал ему совет как можно скорее отступать. Он сказал, что встретился с полководцем самым мужественным и самым мудрым из всех людей, что он видел таких воинов, каких раньше никогда не видел, и что больше всего его поразили их дисциплина и прекрасный внешний вид. Убежденный этим предостережением, Хосров решил отступать...

Римляне же восхваляли Велисария. В самом деле, этот подвиг заслуживает удивления и похвалы. В то время как римляне были перепуганы и скрывались все по своим укреплениям, а Хосров находился в самом центре Римской державы, этот полководец, спешно прибыв из Византии с небольшим числом спутников, разбил свой лагерь против лагеря персидского царя, и Хосров, сверх всякого ожидания устранившись то ли счастья, то ли доблести Велисария, а возможно, и обманутый какими-либо его военными хитростями, уже не решился идти дальше и ушел, на словах стремясь к миру, на деле же – бежал.

(Прокопий Кесарийский. Войны с персами. Кн. 2, XX-XXI)

Нечестие наказуемо

История похода франков и союзных им алеманнов в Италию, завершившееся битвой с византийцами при Кануе в 554 году показывает, к чему ведет на войне разнузданность, нечестие, оскорбление храмов и святыни. Одновременно рассказ Агафия Миринейского заставляет задуматься, как важно воину соблюдать осмотрительность и умеренность во всем. Заметим, что соперник Велизария на полководческом поприще знаменитый Нарзес (478-573 гг.) также строго соблюдал порядок и дисциплину в войске, не делая никаких поблажек и скидок на «народные обычаи».

В это время варвары медленно продвигались [вперед] и на своем пути все грабили и опустошали. Далеко обойдя город Рим и всю его округу, они двигались дальше, направо имея Тирренское море, а налево перед ними расстилались скалистые берега Ионического залива. Когда же они пришли в Самниум – так называется страна, то там разделились на два отряда. Бутилин с большим сильнейшим войском отправился к Тирренскому побережью, опустошил большую часть Кампании, вступил в Луканию, а затем вторгся в Бруттиум и дошел до самого пролива, который разделяет остров Сицилию и Италию. На долю же Левтариса, ведущего остальное войско, выпало разграбление Апулии и Калабрии... И те, кто были природными франками, проявляли большое почтение и благочестие по отношению к святыне, так как, я уже сказал, они имели правильное представление о божестве⁶¹ и почитали те же святыни, что и римляне. Все же алеманнское⁶² племя – у него другие верования – грабило храмы беспощадно и лишало украшений, похищая священные сосуды, многие золотые кропильницы, кубки и сосуды для хранения благовонных курений и все, предназначенное для совершения священных таинств, превращало в собственное имущество. Но им и этого было не достаточно. Они разрушали крыши священных храмов и подрывали основания. Кровью орошали святыни и оскверняли посевы, так как везде были разбросаны непогребенные трупы.

Но немного спустя их постигло возмездие. Одни погибли на войне, другие от болезни, и никто не осуществил своих надежд. Несправедливость и пренебрежение к Богу всегда пагубны и должны быть избегаемы, особенно же во время войн и сражений. Ибо защищать отечество и отечественные учреждения, противиться стремлениям их разрушить, всеми силами отражать врагов – справедливо и высоко благородно. А те, кто ради наживы и безрассудной ненависти, без всякой разумной причины, нападают на соплеменников, обижают тех, от кого они сами не получали никакой обиды, то поистине безумны и преступны, не знают правды и не боятся мщения божества. Поэтому их ожидает великое возмездие. Предприятия их кончаются полными, непоправимыми катастрофами, если даже некоторое время они и кажутся преуспевающими. Так было и с варварами Левтариса и Бутилина...

Немного спустя вспыхнувшая болезнь – чума – истребила множество [людей]. Одни считали, что плохой воздух является причиной этой болезни; другие полагали, что, пройдя длинный путь в обстановке непрерывных военных действий, они внезапно перешли к изнеженному образу жизни и причиной считали перемену обстановки. Истинную же и основную причину бедствий они совершенно не понимали. Она же заключалась, как я думаю, в их несправедливости и в том, что они бесчеловечно надругались над божескими и человеческими законами. Сам вождь представил яркое доказательство, что его постигла божественная кара. Он оказался помешанным и бесновался открыто, как безумный и одержимый.

⁶¹ В 496 г. при короле Хлодвиге I франки приняли христианство.

⁶² Алеманны (от герм. *alle manner* – все люди) – союз германских племен, в конце V в. располагавшихся на территории современной южной Германии и западной Австрии. В описываемое время алеманны были язычниками.

Он находился в непрерывном движении, испуская тяжелые вопли. То он падал на землю головой ниц, то на один, то на другой бок, выпуская изо рта обильную пену. Глаза стали страшными и отвратительным образом перекошенными. Несчастный дошел до такого безумия, что не удержался от кусания собственных членов. Кусал зубами руки и, разрывая тело, пожирал его наподобие животного, проливая кровь. Таким образом, пожирая себя и понемногу слабея, он погиб жалким образом. Умерли во множестве и прочие. Эпидемия отнюдь не уменьшалась, пока не погибли все... Но огромное большинство, мучимое горячкой, погибло в здравом уме. Некоторые были сильно разбиты параличом, другие страдали от головной боли, третьи от сумасшествия. Разнообразны были посланные им болезни, но все они вели к смерти. Такой гибельный конец имел поход Левтариса и тех, кто за ним следовал.

Пока это происходило, Бутилин, другой вождь, опустошив почти все городки и укрепления до Сицилийского пролива, немедленно начал обратный поход быстрееими переходами прямо на Кампанию и Рим. Ибо он услышал, что Нарзес и многочисленные императорские войска собираются там. Он решил не медлить и не странствовать дольше, но, выстроившись всем войском походным порядком, рискнуть покончить все сразу, так как отнюдь не малая часть и его войска была поражена эпидемией и погибла. Так как лето кончилось, и начиналась осень, виноградники были отягчены плодами. Они же за недостатком другого продовольствия (мудрой предусмотрительностью Нарзеса все было уничтожено), срывая виноградные гроздья и выдавливая руками сок, наполняли себя перебродившим вином, собственноручно изготавливая вино с приятным запахом. Через это они страдали от сильного расстройства желудка, и часть их умерла немедленно. Были, однако, и выжившие.

Прежде чем болезнь охватила всех, [франки] решили дать сражение во что бы то ни стало. Поэтому, придя в Кампанию, он [Бутилин] расположился лагерем недалеко от города Капуи на берегах реки Касулина⁶³. Разместив там войско, он окружает его сильным валом, полагаясь на природу местности. Река, протекая от него справа, казалось, служила вместо укрепления, чтобы кто-нибудь не напал с той стороны.

Устроив все так, он полагал, что все требуемые обстановкой приготовления им сделаны, как будто от кого зависело начать битву и как будто сражение обязательно начнется не раньше, чем он этого пожелает. Он еще не знал случившегося с братом в Венеции, хотя удивлялся, что тот не посылает ему войска согласно договоренности, хотя и подозревал, что тот не медлил бы так долго, если бы с ним не случилось какого-нибудь крупного несчастья. Тем не менее он считал, что и без него он одержит победу над неприятелем, намного превосходя его численностью. Оставшееся у него войско исчислялось больше чем в тридцать тысяч вооруженных людей. Римские же силы с трудом в тот момент доходили до восемнадцати тысяч.

Поэтому и сам он имел прекрасное настроение и всему войску объявил, что в предстоящем сражении будут решаться немаловажные дела, но «или будем обладать Италией, ради чего и пришли, или же бесславно умрем». Бутилин не переставал ободрять массу этими и подобными словами. Они же [воины Бутилина] преисполнились надеждой и готовили оружие, как каждому хотелось...

Когда Нарзес узнал об этом, то римский полководец тотчас вывел все войско из Рима, разбил лагерь недалеко от врагов, откуда можно было слышать все и рассматривать укрепления. Когда таким образом оба войска могли видеть друг друга, начались с обеих сторон построения войск в боевом порядке, расстановка караулов, бодрствование и смотр воинских рядов полководцами. Надежда и страх, различные перемены настроения и всякие неужи-

⁶³ Современное название реки – Волтурио.

данные страсти, которые могут появиться у готовящихся к решительному сражению, поочередно охватывали то одних, то других.

Все италийские города находились в волнении и колебались, не зная, к какой стороне примкнуть. В то же время франки грабили и открыто вывозили из них продовольствие. Когда Нарзес это заметил, он решил, что это его бесчестит, и негодовал, что у фуражиров врагов есть возможность так свободно разъезжать по ближайшей местности, как будто они не видят никакого врага. Он решил в дальнейшем не позволять этого и препятствовать всеми силами. Харангис, родом из Армении, являлся римским таксиархом, был чрезвычайно храбр и благоразумен и, когда нужно, охотно шел на опасности. Этому Харангису Нарзес приказывает напасть на водителей повозок и причинить им вред, какой только сможет, чтобы они никогда больше не осмеливались перевозить сено. Тот немедленно повел за собой немногих всадников из своего отряда, захватил все повозки, а возчиков убил.

Когда это случилось, франков тотчас, естественно, охватило смятение и они схватились за оружие. Кипя от гнева и неистовствуя, они не могли сдержаться себя, но стали чрезмерно смелыми и дерзкими, решив, что больше нельзя оставаться бездейственными и медлить, а нужно тотчас же вступить в сражение, хотя алеманнскими прорицателями им было сказано, что не должно в этот день вступать в сражение, в противном случае пусть знают, что они все погибнут без остатка. Я же думаю так, что если бы битва произошла на следующий день или позднее, то они потерпели бы то же, что случилось с ними в тот день. Перемена дня не помогла бы им избежать возмездия за свое безбожие. Произошло ли это так или действительно алеманнские предсказатели каким-то способом проводили будущее, как бы то ни было, это для многих оказалось не пустым и не напрасным.

Итак, народ франков был охвачен воинственным порывом и уже взялся за оружие. Нарзес также вооружил римлян и вывел из лагеря на середину между двумя лагерями, где нужно было их построить в фалангу. Во время движения войска, когда стратиг сел на коня, ему объявили, что некий герул⁶⁴, не из рядовых и неизвестных, но очень знатный, умертвил жестоко одного из своих служителей за какое-то упущение. Тотчас, сдержав поводьями коня, он приказал вывести убийцу на средину, считая неблагочестивым вступать в сражение, прежде чем преступление не будет наказано и искуплено. Допрошенный им варвар признался в своем преступлении. Он не только не запирался, но, наоборот, говорил, что позволено господам делать со своими рабами, что они пожелают, чтобы и другие знали, что они получают то же, если не будут выполнять свои обязанности. Он не только не раскаивался в своем преступлении, но был дерзок и заносчив и, казалось, даже гордился этим. Нарзес приказал оруженосцам умертвить этого человека. И он умер, пораженный мечом в пах. Толпа же герулов, как свойственно варварам, была обижена, негодовала и решила воздержаться от сражения. Нарзес же, искупив таким образом скверну преступления и мало заботясь о герулах, двинулся в расположение войска и объявил во всеуслышание, что кто желает быть участником победы, пусть следует за ним. Так он был уверен в Божьей помощи, что спешил на дело, как бы уже предрешенное.

⁶⁴ Герулы – древнегерманское племя, нередко воевавшее в качестве федератов (наемников) в византийском войске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.